

18+

ДЖЕЙМС БАЛЛАРД

Ballard

мифы близкого будущего

коллекция рассказов

FANZON

Джеймс Грэм Баллард
Мифы близкого будущего
Серия «Fanzon. Архитектор антиутопий.
Фантастика Джеймса Балларда»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74629761

Мифы близкого будущего:

ISBN 978-5-04-255128-4

Аннотация

Третий том полного собрания рассказов Джеймса Балларда включает произведения, написанные в поздний период – период творческой зрелости автора. Это истории, которые значительно отходят от ранней апокалиптической научной фантастики и фокусируются на сюрреалистичных психологических пейзажах, корпоративной жестокости и зарождении виртуальной реальности. Рассказы, в которых Баллард с удивительной точностью предвидит многие черты XXI века. В сборник включены поэма «Во что я верю» и – в качестве эпилога – самая первая публикация автора.

Содержание

Интервью с Дж. Г. Баллардом	5
Величайшее телешоу планеты	10
Моя мечта о полете на остров Уэйк	21
Воздушная катастрофа	42
Низколетающие самолеты	59
Жизнь и смерть Бога	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Джеймс Баллард

Мифы близкого будущего

J. G. Ballard

THE COMPLETE SHORT STORIES

Volume 3

Copyright © 2001 by J. G. Ballard

All rights reserved

© С. Самуйлов, перевод на русский язык, 2026

© А. Бушуев, Т. Бушуева, перевод на русский язык, 2026

© Г. Соловьева, перевод на русский язык, 2026

© О. Макеева, перевод на русский язык, 2026

© Г. Шокин, перевод на русский язык, 2026

© В. Лапицкий, перевод на русский язык, 2026

© Е. Трубецкая, перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Интервью с Дж. Г. Баллардом

(беседует Тревис Элборо)

– В нескольких ваших романах небольшое замкнутое сообщество – элитный жилой комплекс, высотная башня – выступает в качестве своеобразного микромира, на примере которого вы рассматриваете хрупкость гражданского общества. Вот эта озабоченность упадком, даже, можно сказать, вырождением современного общества, уходит ли она корнями в ваше детство, как вы считаете? Ведь тогда, в лагере для интернированных, вы своими глазами видели, как легко человек теряет налет цивилизованности.

– Да, думаю, так и есть. Почти каждый, кто своими глазами видел войну, знает: она переворачивает с ног на голову все представления о каждодневной жизни. Ты чувствуешь себя другим, и это необратимо. Как если выжил в авиакатастрофе: мир никогда уже не будет прежним. А три года в японском лагере – это очень сильный и запоминающийся опыт. Особенно для подростка, который живо интересуется поведением взрослых, в том числе собственных родителей.

лей. И видит их, впервые лишенных покровов солидности, что обычно помогают взрослым взаимодействовать с детьми. Лишенных всякой возможности защитить себя, порой впавших в отчаяние, униженных, живущих в постоянном страхе. Нам всем казалось, что эта война будет длиться вечно и один лишь Бог знает, что с нами будет, когда она все-таки подойдет к концу. Да, это был уникальный опыт, и он помог мне очень глубоко понять, что же определяет человеческие поступки.

– В «Затонувшем мире», вашем самом первом романе, действие происходит в двадцать первом веке: мы видим Лондон будущего, ушедший под воду. Но вы упоминали, что даже этот образ основан на воспоминаниях о Шанхае. Как же вышло, что вы, уже опосредованно проработав его в своей научной фантастике, вдруг решили так открыто рассказать о детских впечатлениях в «Империи Солнца»?

– Я всегда хотел написать о своих впечатлениях о Второй мировой войне, о японской оккупации Шанхая, о лагере для интернированных. И понимал, что война очень сильно повлияла на меня, как и на многих других. Но, вернувшись в 1946 году в Англию, столкнулся с огромной проблемой: я никак не мог приспособиться к здешней жизни. В то время Англия была местом очень и очень странным. Обще-

ство здесь подчинялось сложной классовой системе, какой в Шанхае не было и в помине. Англия оказалась ужасно жалкой и убогой. Полностью обессиленная войной, она как будто... застыла в прошлом, что ли. Войну мы выиграли сугубо с формальной точки зрения, а по факту во многом проиграли. В стране процветала нищета. И мне приходилось учиться во всем этом жить. К 1949 году к власти в Китае пришли коммунисты, и я понял, что туда больше уже не вернусь. А значит, не было смысла дальше жить воспоминаниями, настало время свыкнуться с жизнью в Англии. И вот я получил здесь образование, женился и приступил к писательству. Англия заинтересовала меня. В каком-то смысле она напоминала зону стихийного бедствия, была одновременно и жертвой, и причиной катастрофы. Интересовали меня и грандиозные перемены, на пороге которых стояли все сферы общественной жизни: появлялись супермаркеты и реактивные самолеты, наступала эпоха телевидения, развивалось общество потребления. Помню, я подумал: боже мой, это все изменит нашу страну, раскроет наконец непонятную психологию ее измученного народа. И я стал писать научную фантастику, хотя большинство ее любителей отнюдь не считали меня мастером этого жанра. Я был для них чужаком, эдаким опасным вирусом, что проник в клетку научной фантастики, поразили ее ядро и теперь медленно разрушает. Но все это время я чувствовал, как обрывки моего китайского прошлого всплывают откуда-то из подсознания. Чувствовал, что одна-

жды оживлю их на страницах книги.

– Вы учились на медицинском и как-то сказали, что современный писатель обязан быть в некотором роде ученым. Не жалеете, что так и не стали врачом?

– Медициной я очень увлекался. Два года подряд препарировал трупы, и этот опыт оказался во всех смыслах очень полезным. Да, я действительно верю, что писатель должен быть подобен патологоанатому в прозекторской. И сам очень хотел стать врачом, но стремление писать оказалось сильнее. От друзей-старшекурсников я слышал, что в Лондоне, стоит только прийти на постоянную работу или хотя бы стажировку в больницу – и все, работа поглотит тебя с головой, времени писать не останется. А не писать я не мог.

– Как вам кажется, есть ли в ваших произведениях мораль?

– Не уверен. Я себя считаю не морализатором, а скорее исследователем. Разведчиком, высланным вперед, чтобы проверить, можно ли пить воду из реки.

– Как исследователь – или разведчик – вы обнаружили жутковатый провидческий дар, сделав в «Выставке жестокости» знаменитое пророчество о том, что Рейган станет президентом. И я помню, как один

обозреватель, говоря о последствиях урагана в Новом Орлеане, упомянул ваш «Затонувший мир». Вас никогда не пугала такая способность к предвидению?

– Это предвидение исследователя – или, скажем так, первая система оповещения. Один из важных уроков, усвоенных мною за время войны, состоит в том, что наша жизнь – всего лишь театральная декорация. Да, привычные будни, школа и дом, знакомая улица и все такое прочее, походы в бассейн и в кино – словом, все вокруг, что кажется вечным и незыблемым, на самом деле просто декорация. Которую за одну ночь могут разломать и выбросить. Именно так и случилось, когда японцы заняли Шанхай и перевернули нашу жизнь вверх дном. Наверное, это выработало во мне такой стойкий скептицизм, что он меня не покидает даже здесь, в благоустроенной английской глубинке. Все, что нас окружает, не столь безопасно и долговечно, как мы привыкли считать. Просто не надо слишком много думать об урагане «Катрина» и Новом Орлеане – это, кстати, касается и всего прочего. Мои книги по большей части – попытка понять, что же происходит вокруг нас. И насколько мы отличаемся от высокодуховных представителей рода человеческого, которыми себя мним. И это, наверное, относится ко всему, что я написал. Да, думаю, тяга к исследованию – вот истинная основа всех моих романов.

Величайшее телешоу планеты

Открытие в 2001 году эффективного способа перемещений во времени имело ряд важных последствий – главным образом для телевидения. Последняя четверть двадцатого столетия стала свидетелем впечатляющего роста теле вещания на всех континентах планеты – трансляцией программ занимались американские, европейские и австралийские компании, причем аудитория каждой, согласно их утверждениям, насчитывала по миллиарду зрителей.

Как ни парадоксально, несмотря на колоссальные финансовые ресурсы, телекомпании столкнулись с хронической нехваткой новостей и развлекательных передач. Вьетнам, эта первая «телевизионная» война, подарила зрителям всю радость прямых трансляций с поля боя, однако войны в целом вскоре прекратились – не говоря о любых других серьезных вещах, стоило населению планеты повсеместно посвятить себя просмотру передач.

И вдруг было сделано удачное открытие – путешествия во времени.

Как только урегулировали первые иски об авторских правах – одному ушедшему японцу почти удалось запатентовать историю, однако затем Время было объявлено *открытой территорией*, – стало ясно: величайшее препятствие для путешествий во времени вовсе не законы материальной все-

ленной, а непомерные суммы, необходимые для создания и эксплуатации соответствующих установок. Одна минута путешествия в прошлое обходилась примерно в миллион долларов. После нескольких коротких экспедиций для подтверждения факта распятия Христа и открытия Америки Колумбом, финансируемый правительством Мемориальный центр времени имени Эйнштейна в Принстоне был вынужден приостановить свою деятельность.

Короче говоря, всего одна группа была способна финансировать дальнейшие исследования прошлого – транснациональные телевизионные корпорации. Их яростные заверения в том, что никакой дешевой сенсационности они не допустят, убедили главы правительств, что образовательные выгоды фильмов о путешествиях во времени перевесят любые возможные издержки.

Телекомпании со своей стороны видели в прошлом неиссякаемый источник первоклассных новостей и развлекательного контента, и, что самое главное – совершенно бесплатный. Они незамедлительно взялись за работу, вложив миллиарды долларов, рупий, рублей и йен в создание нового огромного хронотрона в Принстонском центре времени. Команды физиков и математиков были задействованы в качестве младших продюсеров. В ключевые точки планеты – Лондон, Вашингтон и Пекин – были отправлены съемочные группы. Вскоре жаждущие зрители по всему миру уже смотрели первые пилотные программы.

Эти похожие на выцветшую кинохронику нечеткие кадры, запечатлевшие коронацию Елизаветы II, инаугурацию Франклина Делано Рузвельта и похороны Мао Цзэдуна, триумфально продемонстрировали осуществимость *хроновидения*. После торжественного открытия – жест в сторону правительственных контрольных комиссий – телекомпания начали всерьез планировать сетку вещания. Зимние программы на 2002 год предлагали зрителям убийство президента Кеннеди, «живьем», как бестактно выразилась Североамериканская вещательная компания, высадку в Нормандии и Сталинградскую битву. Телезрителям в Азии предлагался Перл-Харбор и падение Коррехидора.

Акцент на смерти и разрушениях определил дальнейшее развитие событий. Успех программ превзошел даже самые смелые надежды и ожидания телевизионщиков. Кадры затянутых дымом полей сражений с их разбитыми и сожженными танками и бронетранспортерами пробудили непомерные аппетиты. Требовалось все больше и больше съемочных групп. Пришлось задействовать целую армию военных историков, чтобы установить точное время освобождения Бастилии или момент, когда над горой Сурибати и берлинским Рейхстагом взвились знамена победы.

В течение года около десятка программ еженедельно показывали трем миллиардам зрителей самые яркие эпизоды Второй мировой войны и события последующих десятилетий, причем исключительно в режиме реального времени.

Вечер за вечером в техасском Далласе на Дили-Плаза убивали Джона Кеннеди, над Хиросимой и Нагасаки взрывались атомные бомбы, а в берлинском бункере кончал жизнь самоубийством Гитлер.

После первого успеха телевизионщики переместились дальше вглубь, в события 1914–1918 годов, готовые пожинать куда более богатый урожай зрительских рейтингов на кровавых полях сражений при Пашендейле и Вердене. К их удивлению, кадры заполненных кровью и грязью окопов оставили телезрителей равнодушными – в отличие от великих технологических битв Второй мировой войны, которые одновременно транслировались в прямом эфире на соперничающих телеканалах с палуб авианосцев в Филиппинском море и во время массированных авианалетов на Эссен и Дюссельдорф.

Лишь один эпизод Первой мировой войны оживил пресыщенный зрительский вкус – атака уланов германской императорской армии, преодолевавших на полном скаку заграждения из колючей проволоки. Их белые плюмажи развевались над грязью, а сами эти всадники с пиками наперевес возвращали миллиарду «перекормленных» войной телеэкранов магию галантности и красивых мундиров. В опасный для *хроновидения* момент его спасли эполеты и кирасы.

Съемочные группы незамедлительно отправились в девятнадцатый век; события же обеих мировых войн исчезли с экранов. В течение нескольких месяцев зрители увидели

коронацию королевы Виктории, убийство Линкольна и осаду Аламо. Кульминацией сезона *мгновенной* истории должна была стать совместная трансляция корпорациями *хроновидения* Европы и Северной Америки такого потрясающего зрелища, как разгром Наполеона Бонапарта в битве при Ватерлоо.

Занимаясь приготовлениями, две компании сделали открытие, имевшее далекоидущие последствия для всей истории *хроновидения*. При посещении знаменитой битвы продюсеры, надежно защищенные от возможных травм и даже смерти незримыми стенами хронокапсул, обнаружили, что участников сражения было гораздо меньше, чем описано историками того времени. Сколь огромными ни были последствия разгрома наполеоновской Франции, сама битва вызывала разочарование: несколько тысяч измученных долгим маршем солдат время от времени обменивались ружейными и артиллерийскими залпами.

Провал Ватерлоо стал предметом обсуждения на срочно созванном совещании руководства *хроновидения*. Старшие продюсеры снова побывали на поле боя, где, покинув хронокапсулы, прошлись переодетыми среди усталых солдат. Перспектива заполучить самые низкие в истории *хроновидения* рейтинги с каждым часом становилась все более неотвратимой.

В этот кризисный момент некий неизвестный помощник

продюсера подсказал выдающуюся идею: вместо того чтобы беспомощно сидеть за видеокамерами, компании *хроновидения* должны вмешаться в ход события, дабы придать сражению дополнительный драматизм, — тем более что они располагают необходимым для этого опытом и ресурсами. Можно задействовать побольше статистов, вернее, наемников из числа местных крестьян, доставить запасы пороха и дробы, раздать оружие и поручить военным консультантам из редакторских отделов разработать ход самого сражения. «История, — подвел он итог, — это всего лишь черновик сценария».

Это предложение по переделке истории для привлечения зрителей было принято на ура. Захватив с собой щедрый запас золотых монет, агенты телекомпаний рыскали по равнинам Бельгии и Северной Германии, набирая тысячи наемников по стандартной таксе: пятьдесят долларов в день натуральных съемок независимо от ранга и семьдесят пять за эпизодическую роль со словами.

Войско прусского генерала Блюхера, по мнению историков насчитывавшее несколько тысяч человек и сыгравшее решающую роль в разгроме Наполеона, на самом деле оказалось небольшим отрядом вояк численностью не больше бригады. В считанные дни под знамена пруссаков встали тысячи страстно желавших подзаработать рекрутов. Чтобы излечить кавалерийский эскадрон, страдавший от сибирской язвы, в воду пришлось тайно добавить антибиотики. Угрожав-

ший целой артиллерийской бригаде тиф был побежден внушительной дозой левомецетина.

Битва при Ватерлоо, когда ее наконец показали одному миллиарду зрителей, являла собой захватывающее дух зрелище, затмевающее своими масштабами всю сделанную ей за последние двести лет рекламу. Тысячи наемников сражались с дикарской яростью, воздух сотрясали бесконечные раскаты артиллерийских орудий, кавалерийские атаки следовали одна за другой. Сам Наполеон был потрясен таким размахом событий.

После успеха Ватерлоо компании *хроновидения* поняли важность предварительной разведки. С этого момента почти все важные исторические события получали новые сценарии, сделанные силами редакторских отделов.

Переход Ганнибала через Альпы не впечатлял – подумаешь, всего полдесяток слонов. Было решено добавить еще две сотни, давить ошеломленных римлян. Убийц Цезаря было всего двое – пришлось нанять еще пятерых заговорщиков. Знаменитые исторические речи, вроде Геттисбергского обращения, сократили и отредактировали с целью сделать более яркими и впечатляющими. Не забыли и про битву при Ватерлоо: чтобы оправдать затраты, битву передали в субаренду контрактникам, которые, в свою очередь, довели ее до масштабов Армагеддона. Впрочем, эти зрелища в манере Де Милля¹, когда на одном и том же поле боя появлялись

¹ Сесиль Блаунт Де Милль (1881–1959) – американский кинорежиссер и про-

конкурирующие компании, вливая статистов массовки, оружие и животных, вызывали у искушенных зрителей презрительную усмешку.

К вящей досаде телевизионщиков, самое волнующее событие мировой истории оставалось для них под запретом. По суровому настоянию Церкви по телевидению не разрешалось показывать события, связанные с жизнью Христа. Какую бы духовную пользу ни сулила возможность услышать в прямом эфире Нагорную проповедь, последняя наверняка растеряла бы свою силу, будучи зажатой между откровенно бездуховными рекламными блоками.

Наткнувшись на это препятствие, авторы программ были вынуждены двинуться еще дальше в прошлое. К пятилетнему юбилею *хроновидения* начались приготовления к грандиозному совместному шоу – бегству евреев из Египта и переходу через Красное море. Сотня съемочных групп и несколько тысяч продюсеров и техников заранее заняли места на Синайском полуострове. За два месяца до трансляции стало понятно, что в этой классической конфронтации между полчищами Египта и чадами Господними будет более двух сторон.

Мало того что количество участников съемочных групп превышало число обеих сторон, египетские наемники, дополнительное оборудование для создания волн на море, а

дюсер, считавшийся эталоном кинематографического успеха, снявший ряд популярных монументальных фильмов на библейские темы. – *Здесь и далее прим. редактора.*

также специальные плотины, на которые были установлены телекамеры, могли вообще помешать евреям совершить легендарный Исход. И тогда сам Всевышний будет посрамлен в Его первой же схватке с рейтингами.

Свои опасения выражали и старомодные клерикалы. Их статьи выходили в прессе под ироничными заголовками вроде «Война с Отцом Небесным?», «Синайский Завет отвергнут Гильдией телепродюсеров». В букмекерских конторах в Европе и США делались все новые и новые ставки. В день трансляции, 1 января 2006 года, телерейтинги показали, что перед телеэкранами собрались девяносто восемь процентов взрослых зрителей западного мира.

* * *

Вскоре начались первые кадры. Под грозовым небом показались бредущие по пескам евреи, приближаясь к незримым, установленным над водой телекамерам. Первоначально жалкие три сотни, сыны Израилевы теперь являли собой огромную толпу, которая растянулась по пустыне со своими обозами на несколько миль. Ошеломленные непомерным количеством примазавшихся к ним попутчиков, вожди евреев остановились на берегу, не зная, как им преодолеть подвижную водную массу. Между тем на горизонте уже появились летевшие на них колесницы фараоновой армии, оснащенные лезвиями на ободах колес.

Зрители, как замороженные, наблюдали за происходящим. Многие при этом задавались вопросом: не зашли ли телекомпании слишком далеко?

Затем, безо всякого объяснения, миллиард экранов неожиданно погас.

Началось сущее светопреставление. Телефонные станции заклинило. Срочные звонки на межправительственном уровне привели к перебоям в работе спутников связи. Студии *хроновидения* в Европе и Америке в буквальном смысле подверглись осаде.

Увы, связи не было. Все контакты со съемочными группами прервались. Наконец, два часа спустя, на экранах ненадолго появилась картинка – волны, бушующие над обломками телевизионной аппаратуры. На ближнем берегу полчища египтян повернули обратно, в сторону дома. На дальнем – горстка евреев брела в сторону Синайского полуострова.

Но больше всего зрителей поразил зловещий свет, как будто для передачи изображения использовался некий древний, но удивительный вид энергии.

Все последующие попытки восстановить связь результатов не дали. Практически все оборудование глобального *хроновидения* было уничтожено, ведущие продюсеры и техники бесследно исчезли. Возможно, они бродят по каменистым пустыням Синая, как второе потерянное племя. Вскоре после столь сокрушительного фиаско сафари в прошлое исчезли из программ вещания всего мира. Как сказал, обращаясь

к своей наказанной телепастве один склонный к иронии священник: «Большой канал на небесах тоже имеет свои рейтинги».

1966

The Greatest Television Show on Earth. Первая публикация в журнале *Ambit*, осень-зима 1972–1973 годов.

Моя мечта о полете на остров Уэйк

Мечта Мелвилла о полете на остров Уэйк – безнадёжная амбиция, учитывая состояние его здоровья, – вновь ожила, когда он обнаружил в дюнах выше пляжного домика обломки разбившегося самолета. До этого, в первые три месяца жизни среди заброшенного курортного городка, построенного среди песчаных холмов, его мечта побывать на атолле в Тихом океане подпитывалась лишь коллекцией старых фотографий с разлохмаченными краями, смутными воспоминаниями о бесконечных взлетно-посадочных полосах и несостоявшимся образом себя самого за штурвалом легкого самолета, уверенно держащего курс на запад над океанскими просторами.

Но обломки разбившегося бомбардировщика в дюнах тотчас все изменили. Вместо того чтобы понапрасну тратить время на бесцельные шатания по пляжу или разглядывать с балкона во время отлива бесконечные наносы песка, протирающиеся покуда хватало глаз, Мелвилл взялся откапывать самолет. Можно сказать, он всецело посвятил себя этому занятию. Он даже отменил вечерние шахматы с доктором Лэнгом, соседом по пустому курорту, и отправился спать до начала телепередач. Встав в пять утра, он потащил к месту раскопок лопаты и кабель.

Бурная деятельность устраивала Мелвилла, помогая за-

быть о жутких мигренях, которые вновь давали о себе знать. Воспоминания о длительном лечении электрошоком тревожили его дольше, чем он ожидал. Они служили напоминанием о том, что на границах его сознания обитали элементы куда менее приятного мира, которые только и ждали, чтобы вновь восстановить себя в правах. Мечта улететь на остров Уэйк была своего рода компасом. А потом находка самолета дала ему шанс направить всю свою энергию в нужное русло и, если повезет, обуздать приступы мигрени.

Рядом с заброшенным курортом были похоронены несколько военных самолетов. Бродя во время отлива по плотному песку отмелей – доктор Лэнг пребывал в наивной уверенности, что его сосед охотится за образцами морской фауны, – Мелвилл часто натыкался на обломки сбитых над Ла-Маншем самолетов, как своих, так и вражеских. Ржавые коробки двигателей и секции фюзеляжей выглядывали из песка, вынесенные на поверхность движением моря, чтобы затем вновь бесследно исчезнуть в наносах.

Во время летних уик-эндов в песке ковырялись редкие любители сувениров времен Второй мировой войны. Время от времени им везло – попадался целый мотор или лонжерон крыла. Слишком тяжелые, чтобы сдвинуть их с места, эти находки оставались лежать, где и лежали. Кстати, одной такой группе воскресных копателей, возглавляемой бывшим рекламщиком по имени Теннант, повезло обнаружить под слоем песка в полумиле чуть дальше по берегу целый

«Мессершмитт Vf 109». Члены группы припарковали свои спортивные машины в начале дороги, ниже пляжного домика Мелвилла, а весь свой инвентарь – насосы и подъемники – повезли к месту находки на специально приспособленном вездеходе.

Что удивительно, Теннант, который обычно с подозрением, даже грубо, разговаривал с любым, кто осмеливался приблизиться к «мессершмитту», сделал для Мелвилла исключение. Бывший рекламщик был явно заинтригован одиноким обитателем заброшенного курорта, который все свободное время бродил среди морского мусора. Он предложил Мелвиллу взглянуть на самолет. Они выехали по мокрому песку туда, где под толстым слоем наносов бывший истребитель лежал, словно крылатый ящер внутри своего металлического корпуса. Теннант помог Мелвиллу пролезть в почерневшую кабину, и это тотчас же пробудило в последнем воспоминания.

Позднее, когда Теннант и его рабочие вернули Мелвилла в его пляжный домик, он еще долго сидел, массируя руки и кисти, будто некие сложные умения, которые ему хотелось бы забыть, возвращались самым невероятным образом. Солярый Лэнга, с его датчиками и шторками, его похожий на капсулу интерьер внушали куда большую тревогу, нежели кабина немецкого истребителя.

Находка, безусловно, впечатляла. Однако ржавый корпус

времен Второй мировой войны тускнел на фоне того, что обнаружил Мелвилл. В течение некоторого времени он догадывался о бомбардировщике или, по крайней мере, о крупном инженерном сооружении. Поначалу, бродя теплыми днями среди дюн выше своего пляжного домика, он был слишком занят мыслями о том, как сделать заброшенный курорт своим, а по правде, просто предавался безделью. Несмотря на бесконечные часы, проведенные в спортзале госпиталя в течение длительного периода выздоровления после авиакатастрофы, прогулки по мокрому песку изрядно отнимали силы.

К тому же мысли Мелвилла были заняты другим. Прибыв на заброшенный курорт, он первым делом, как ему было велено после выписки из госпиталя, связался с доктором Лэнгом, ожидая, что тот последует за ним куда угодно. Лэнг же, нарочно или нет, не проявил особого интереса к бывшему летчику, прибывшему сюда в дорогом авто, который теперь метался по солярию, будто пытался поймать хромированную крысу.

Лэнг работал в лаборатории Научно-исследовательского совета, располагавшейся в пяти милях отсюда. Превыше всего он ценил тишину и уединенность – их сполна дарил сборный солярий, возведенный Лэнгом на песчаной дюне на южном краю курорта. Он никак не отреагировал на прибытие Мелвилла, лишь молча протянул ему ключи от пляжного домика и оставил одного.

Это безразличие было Мелвиллу даже на руку, но вместе с тем обрекало его на одиночество. Он прибыл сюда с двумя чемоданами. Первый был битком набит новой, еще не ношенной одеждой. Во втором были рентгеновские снимки его головы и фотографии острова Уэйк. Рентгеновские снимки он отдал доктору Лэнгу. Тот поднес их к свету и долго, пристально рассматривал негативы, как будто надеялся найти в черепной коробке Мелвилла какой-то конструктивный изъян. Фотографии острова Уэйк он вернул безо всяких комментариев.

Изображения тихоокеанского атолла с длинными взлетно-посадочными полосами Мелвилл собирал в течение нескольких месяцев. Пока выздоравливал в госпитале, он записался в группу защитников окружающей среды, официально – в поддержку кампании по сохранению исчезающей местной популяции альбатросов. Там, в конце взлетно-посадочных полос, десятки тысяч глупых птиц устроили себе гнездовье. Во время взлетов крылатых машин ввысь также устремлялись огромные стаи птиц. Но реальный интерес Мелвилла был к самому острову, на котором во время Второй мировой размещалась авиабаза, а сейчас – пункт дозаправки трансокеанских пассажирских лайнеров. Эта комбинация песка и бетона, металлических ангаров, ржавеющих рядом со взлетно-посадочными полосами, полная психологическая редукция этого рукотворного пейзажа целиком и полностью захватили его воображение, правда, слегка дву-

смысленным образом. Несмотря на всю свою безводность и заброшенность посреди океана, остров Уэйк в сознании Мелвилла вскоре стал зоной повышенных возможностей. Он дни напролет грезил о том, как полетит туда в легком самолете, как будет кузнечиком скакать с острова на остров через весь Тихий океан, пока не приземлится на Уэйке. В этот миг мигрени тотчас же навсегда его оставят. Из ВВС его комиссовали при довольно странных обстоятельствах. После аварии, когда Мелвилл выздоравливал в госпитале, военные психологи были только рады играть в плохо отрепетированный заговор молчания. Когда он сообщил им, что арендовал у одного врача летний домик на заброшенном курорте и собирался пожить там целый год на остатки своего военного жалования, они с облегчением вздохнули и проводили до дверей. Покидая госпиталь, Мелвилл унес с собой рентгеновские снимки головы и фотографии острова Уэйк.

– Но почему именно Уэйк? – спросил его доктор Лэнг в их третий вечер за шахматами и указал на картинки, которые Мелвилл повесил над камином. Кстати, помимо картинок, там еще были пространные куски текста, посвященные геологии, осадкам, сейсмическому статусу острова, его флоре и фауне. – Почему не Гуам? Или Мидуэй? Или, скажем, Гавайи?

– Мидуэй тоже неплох, но теперь там военно-морская база. Сомневаюсь, что там мне дадут разрешение на посадку. Да и вообще, атмосфера совсем не та.

Обсуждение достоинств и недостатков тихоокеанских островов неизменно приводило Мелвилла в возбуждение, он как будто заново мифологизировал самого себя.

— Гуам в длину сорок миль, покрыт горами и зарос джунглями. Этакая Новая Гвинея в миниатюре. Гавайские острова, по сути, пригород Штатов. Нет, Уэйк, и только Уэйк!

— Вы выросли на Дальнем Востоке?

— В Маниле. У моего отца там была текстильная фабрика.

— И поэтому бассейн Тихого океана для вас так притягателен?

— До некоторой степени. Но Уэйк лежит довольно далеко от Филиппин.

Лэнг ни разу не поинтересовался, доводилось ли ему там бывать. Мечта полететь на далекий тихоокеанский остров если и осуществится когда-нибудь, то явно только в голове самого Мелвилла.

А затем Мелвиллу повезло найти среди дюн занесенный песком самолет.

Во время прилива, когда песчаное дно было залито водой, он был вынужден совершать прогулки в дюнах выше своего летнего домика. Созданные и гонимые ветром, они каждый день меняли очертания. Однажды во время такой прогулки Мелвилл заметил, что участок ниже гребня сохранил прямоугольные контуры. Это однозначно указывало на то, что под песком прячется творение человеческих рук, возможно

крыша металлического сарая или лодочного домика.

Раздраженный знакомым гулом одномоторного самолета, взлетевшего со спортивного аэродрома рядом с курортом, Мелвилл с трудом вскарабкался на песчаный гребень. Там он сел на горизонтальный карниз, который протянулся среди пучков дикой травы. Самолет, чья-то личная «сессна», направлялся с моря прямо на него и, подлетев, закружил над головой. Летчица лет тридцати, она же зубной врач и большая любительница авиации, уже давно заинтересовалась Мелвиллом. Бархатистый рокот ее крылатой машины постоянно прорезал небо над ним. Часто, когда он шагал по мокрому песку обнаженного дна в четырехстах ярдах от берега, она проносилась буквально над его головой, едва не касаясь крылом исходящего паром песка. При этом мотор самолета ревел так, будто пытался что-то до него донести. Наверное, это она проверяла разные типы вспомогательных топливных баков. Время от времени Мелвилл видел ее за рулем американского седана, когда она катила на аэродром пустыми улочками заброшенного курорта. По какой-то причине жужжанье одномоторного самолетика начало раздражать – как будто за темным занавесом его сознания кто-то передвигал мебель.

«Сессна» кружила над его головой, словно упрямая, не знающая усталости птица. Делая вид, что с интересом изучает местную экологию, Мелвилл пошаркал ногами, убирая песок, и, сам того не подозревая, обнажил кусок серого про-

клепанного металла, железную шкуру так хорошо ему знакомой аэродинамической конструкции. Тогда он выпрямился и принялся работать руками. Вскоре его взору предстали обтекаемые контуры аэродинамической поверхности. Такие ни с чем не спутаешь.

«Сессна» тем временем улетела – зубной врач вернулась на аэродром. Разгребая тяжелый песок, сталкивая его в ложбину между двумя дюнами, Мелвилл совершенно позабыл о ней. И хотя силы были на исходе, он продолжал откапывать правое крыло, которое уже выглядывало из дюны. Он сбросил куртку, чтобы стряхнуть твердые белые песчинки, тем самым обнажив миру боевые нашивки, звезды и полосы рондели ВВС США.

Уже через пару минут он понял, что обнаружил целехонький В-17 «Летающая крепость» времен войны. Через два дня он нечеловеческим усилием убрал несколько тонн песка, освободил из-под него почти все правое крыло, хвост и заднюю башню. Бомбардировщик практически не был поврежден, из чего Мелвилл сделал вывод, что во время перелета через Ла-Манш у летчика просто закончилось горючее и он во время отлива совершил вынужденную посадку. Правда, не рассчитал и промахнулся: пролетев над твердым влажным песком обнаженного дна, зарылся носом прямо в сухой песок дюн. «Летающую крепость» пришлось бросить, и вскоре ее занесло пребывающим в вечном движении пес-

ком. Затем здесь построили небольшой курортный городок, который, однако, вскоре пришел в запустение. И все это время никто даже не подозревал, что на гребне песка, всего в сотне ярдов за городом, лежат останки самолета времен Второй мировой войны.

Мелвилл с завидным упорством и терпением взялся за раскопки старого бомбардировщика, чтобы затем привести его в рабочее состояние. По его прикидкам, работая в одиночку, он за три месяца освободит его от песка, после чего понадобится еще пара лет, чтобы разобрать самолет на части и собрать заново. Конкретные подробности того, как он выпрямит погнутые лопасти пропеллера или чем заменит старые двигатели «Циклон», пока мало интересовали Мелвилла, хотя в его сознании уже возникла укрепленная земляная насыпь, которую можно будет построить с помощью бульдозера, если ковшом сдвигать песок вниз, к берегу. Когда море в конце долгого летнего дня отступало, песок вдоль линии отлива был твердым и гладким. Его действия мало кого интересовали. Теннант, бывший рекламщик, а теперь глава группы, откапывающей «мессершмитт», как-то раз подошел к нему и равнодушным взглядом окинул выглядывающие из песка крылья и фюзеляж «крепости». С Мелвиллом он не обменялся ни единым словом — у каждого, Мелвилл знал точно, на уме было только свое.

Вечером, когда Мелвилл все еще трудился над самолетом, доктор Лэнг прошел из солярия прогуляться по берегу. Взо-

бравшись на дюны, он принялся наблюдать за тем, как Мелвилл счищает песок с носовой подфюзеляжной турели.

— А вдруг на нем есть бомбы? — спросил он. — Не хотелось бы, чтобы весь город сровняло с землей.

— Это официально брошенные останки. — Мелвилл указал на турель, с которой был снят пулемет. — С них все снято, в том числе пулеметы и бомбы. Думаю, доктор, нам ничего не грозит.

— Сто лет назад вы бы выкапывали из меловых утесов диплодока, — заметил Лэнг. «Сессна» кружила над дюнами в южной части курортного городка, возвращаясь после своего обычного полета над морем. — Если вам так хочется полетать, то почему бы не попроситься к Хелен Уинтроп вторым пилотом? Она тут на днях спрашивала меня про вас. Хелен планирует побить рекорд, долетев на одномоторном самолете до Кейптауна.

Эта новость заинтриговала Мелвилла. На следующий день, трудясь на раскопках, он прислушался, пытаясь уловить гул мотора «сессны». Образ этой решительной женщины, готовящейся к одиночному полету через всю Африку, для чего она тестирует свой самолет на заброшенном аэродроме рядом с дюнами, удивительным образом совпал с его мечтой улететь на остров Уэйк. Он прекрасно знал, что допотопная «крепость», которую он с таким трудом откапывал из песка, никогда не сдвинется с этого гребня, не говоря уже о том, чтобы взмыть в воздух. Иное дело — самолет этой жен-

щины. Мелвилл уже составил в голове карту маршрута, рассчитал вместимость ее запасных баков и точки дозаправки на Азорах и Ньюфаундленде.

Опасаясь, что она может улететь без него, Мелвилл решил поговорить лично. Проехав на своей машине по улочкам заброшенного городка, он свернул на узкую дорогу, что вела к аэродрому, и припарковался рядом с ее американским сиданом. На взлетно-посадочной полосе стояла «сессна». Кожухи двигателей были сняты.

Летчицу он застал в ангаре, где она трудилась за верстаком, сваривая секции топливного бака. Заметив Мелвилла, она выключила горелку и сняла с лица маску. На какой-то миг руки скрыли от него ее умное, проницательное лицо.

– Вижу, мы с вами участвуем в гонке, кто первым улетит отсюда! – дружелюбно крикнула она ему вслед, когда он замешкался в дверях ангара. – Доктор Лэнг сказал мне, что вы знаете, как укрепить топливные баки.

Для Мелвилла ее нервная улыбка таила в себе сложную сексуальную метафору.

Он с самого начала не сомневался, что она оставит свой план полета в Кейптаун, предпочтя ему кругосветный полет, в котором он будет ее вторым пилотом. Он кратко изложил ей свои планы полета на запад, рассчитал снижение запасов топлива, а их придется снизить в компенсацию его собственного веса. Он показал ей придуманную им конструкцию лон-

жеронов и креплений, которые будут поддерживать дополнительные баки.

– Мелвилл, я лечу в Кейптаун, – устало сказала она. – У меня на подготовку этого полета ушли годы. Что-то другое однозначно исключается. Вы просто помешались на этом своем абсурдном острове.

– Вы сами все поймете, когда мы прилетим туда, – заверил ее Мелвилл. – За самолет можете не переживать. После Уэйка – вы сами себе хозяйка. Я лишь сниму баки и отрежу их крепления.

– Вы намерены остаться на Уэйке?

Похоже, Хелен Уинтроп засомневалась в серьезности его намерений. Как будто перед ней был наивный пациент, который восторженно излагал ей подробности изощренного способа лечения зубов, разработанного, как ему казалось, специально для него.

– Остаться там? Ну конечно! – Мелвилл двинулся вдоль каминной полки пляжного домика, шлепая ладонью по фотографиям. – Вы только взгляните на эти взлетно-посадочные полосы, здесь есть все! Большое летное поле, такое, каким располагает Уэйк, – это же новые, потрясающие возможности, это место начала всех начал, а не конца!

Хелен Уинтроп оставила его слова без комментария, лишь молча наблюдала за Мелвиллом. Она больше не спала в ангаре при аэродроме и во время своих приездов проводила уик-энды в пляжном домике Мелвилла. Ей требовалась его

помощь, чтобы довести «сессну» до ума и таким образом сократить число остановок на дозаправку, которые всегда связаны с потерей времени. Ради этого она была готова мириться с его поистине детской восторженностью. Тревожило другое – его все возрастающая зависимость от нее. Пока он трудился над «сессной», она часами выслушивала его восторги по поводу взлетно-посадочных полос далекого острова. Тем не менее Хелен старалась не оставлять его одного с ключами зажигания.

Пока она лечила зубы пациентам, Мелвилл возвращался на дюны, где продолжал откапывать занесенный песком бомбардировщик. Правые крылья и порт уже были свободны от песка, вскоре их примеру последует верхняя часть фюзеляжа. Уик-энды Мелвилл посвящал «сессне» – готовил ее к долгому перелету в западном направлении. Несмотря на всю его восторженность, на постоянное состояние эйфории по поводу того, что его заветная мечта слетать на остров Уэйк вскоре осуществится, его навигационные планы и структурные модификации корпуса «сессны» были выполнены им самым тщательным образом и на высоком профессиональном уровне.

Даже сильные мигрени, не дававшие спать по ночам, были не в силах испортить ему настроение. Мелвилл решил, что это просто фрагменты прошлого, что они вынесены на поверхность сознания его чересчур тесными отношениями с этой серьезной летчицей. Впрочем, позднее он понял: это

элементы пережитого им когда-то кошмара, и своим возвращением они обязаны самолетам, окружавшим его теперь со всех сторон, — это и «сессна» Хелен Уинтроп, и его собственная «крепость», которую он откапывал из песка, и почерневший «мессершмитт», который бывший рекламщик Теннант пытался поднять с морского дна.

Однажды, после того как шторм взбаламутил морской песок, Мелвилл стоял на балконе пляжного домика. Вдыхая щекочущий ноздри воздух, он пытался стряхнуть с себя гнетущие сны, какими была наполнена прошлая ночь, этот клубок безумных метафор. Обнажившееся морское дно перед ним было усеяно обломками ржавого металла. Это были части бывшего самолета, вырванные штормом из песка. Не обращая внимания на Хелен, наблюдавшую за ним из окна спальни, Мелвилл вышел на пляж и зашагал по волнистому песку, считая фрагменты карбюратора, выхлопного коллектора, триммера и хвостового колеса, которые валялись вокруг него, будто нарочно брошенные отливом его снов.

Вокруг него уже сгущались другие воспоминания, фрагменты, — он в этом не сомневался, — принадлежавшие жизни другого человека, подробности истории воображаемого пациента, чью роль он был вынужден играть. Откапывая из дюны свою «крепость», сметая щеткой песок с цилиндрического стабилизатора многорядных двигателей, он вспоминал другие самолеты, с которыми приходилось иметь дело, бес-

крылые машины.

Наконец бомбардировщик был полностью освобожден из-под песка. Понимая, что его труды фактически завершились, Мелвилл открыл нижний люк позади носовой турели. С той самой минуты, когда он откопал из песка кабину пилота, его не отпускало желание пролезть в разбитое ветровое стекло и занять место за штурвалом. От дерзкого поступка удерживало лишь воспоминание о «мессершмиттах». Впрочем, теперь, когда с ним рядом Хелен Уинтроп, ничего не страшно.

Швырнув на землю лопату, он тяжело зашагал по песку к пляжному домику.

– Хелен! Иди сюда! – Он с гордостью указал на видневшийся на гребне самолет, теперь полностью свободный от песка. Крылатая машина лежала на брюхе, как будто на краю взлетного пандуса. Хелен Уинтроп пыталась остудить восторг Мелвилла, однако тот упорно вел ее вверх по коварному склону, придерживаясь для устойчивости за веревку.

Когда они пролезли в люк, он в последний раз обернулся на обнаженное морское дно, усеянное ржавыми останками самолетов. Внутри фюзеляжа они осторожно обошли барбет верхней турели, переступая через куски старой экипировки, спасательные жилеты и коробки с боеприпасами. После всех его трудов внутренности фюзеляжа казались Мелвиллу волшебной беседкой, гротом или пещерой внутри некой древней машины.

Сидя рядом с Хелен в кабине пилота, счастливый, что она

рядом с ним – как будет рядом с ним и во время их перелета через Тихий океан, – он продемонстрировал ей приборную доску, подвигал дроссели, покрутил штурвалы управления триммером.

– Итак, баки заправлены, оборудование работает исправно, машина готова к взлету!

Хелен обняла его за плечи, пытаясь оттащить от приборной доски. Мелвилл явственно услышал, как в его голове заурчали двигатели «Летающей крепости».

Он как будто смотрел кино. Ему вспомнились годы, когда он был летчиком-испытателем, и его первая, неудачная миссия в качестве астронавта. По какой-то злой иронии судьбы он стал первым астронавтом, с кем в космосе произошел нервный срыв. Его бессвязное бормотанье напугало миллионы телезрителей по всему миру. Казалось, кошмарный образ человека, сходящего с ума на орбите, включил некий давно забытый внутренний механизм высвобождения эмоций.

Позднее тем же вечером Мелвилл лежал у окна своей спальни, глядя, как спокойное море медленно накатывает на песчаное дно. Он вспомнил, как Хелен Уинтроп оставила его в кабине, как бросилась на поиски доктора Лэнга. Хотя тот и был осторожен, в своем общении с Мелвиллом он добился не больших успехов, нежели доктора из института авиационной медицины, пытавшиеся излечить своего пациента от навязчивых идей, будто он видел кого-то четвертого на борту трехместного судна. Эту загадочную фигуру, не то чело-

века, не то птицу, он якобы убил. Получается, он также стал первым космическим убийцей? После выписки из госпиталя Мелвилл дал себе слово, что совершит свое большое путешествие, первое, внешнее, на остров Уэйк, и второе, внутреннее, по планетам своего сознания.

Между тем лето закончилось, близилось время их отлета. Мелвилл был вынужден возобновить усилия по выкапыванию разбившейся «крепости». В прохладную погоду ночные ветра перемещали песок через весь гребень, вновь и вновь хороня фюзеляж самолета.

Теперь доктор Лэнг навещал Мелвилла чаще. Обеспокоенный его ухудшающимся состоянием, он с тревогой наблюдал за тем, как тот упрямо ведет борьбу с тоннами зыбучего песка.

– Мелвилл, вы гробите себя. – Взяв у него из рук лопату, Лэнг принялся откидывать песок. Мелвилл присел на крыло. Теперь он вел себя осторожно и не пытался пролезть в кабину.

Тем временем Теннант и его копатели завершили раскопки среди мокрого песка и теперь готовились к отъезду. Обломки «Мессершмитта-109» погрузили на два грузовика и куда-то увезли.

Мелвилл же приберегал силы в ожидании того дня, когда они с Хелен оставят заброшенный курорт и, взяв курс на запад, поднимутся в небо.

– Все радиооборудование готово, – сообщил он ей в субботу, предшествующую неделе их отлета. – Теперь нам остается только утвердить план твоего перелета.

Хелен Уинтроп сочувственно посмотрела на стоящего рядом с каминной полкой Мелвилла. Не в силах больше выносить его приступы нервной рвоты, она снова переселилась в свой ангар. Несмотря на их короткий роман, – а может, благодаря ему, – их отношения теперь были почти нейтральными. Тем не менее она попыталась успокоить его.

– Сколько у тебя с собой багажа? Ты ведь ничего не упаковал.

– Мне нечего паковать. Я беру только фотографии.

– Но на острове Уэйк они тебе не понадобятся.

– Возможно. Но сейчас они для меня более реальны, чем сам остров.

Когда Хелен Уинтроп улетела без него, Мелвилл удивился, но не расстроился. Тяжело груженная «сессна», с ее дополнительными баками, которые он установил собственноручно, взлетела с аэродрома, когда Мелвилл, как обычно, трудился на дюнах. По гулу моторов он тотчас определил, что это не тренировочный полет. Сидя на верхней турели своей «крепости», он проводил «сессну» взглядом, пока она набирала высоту над обнажившимся дном и, описав правый поворот к морю, устремилась через пролив.

Мелвилл забыл о ней еще до того, как она исчезла из ви-

да. До заветного острова в Тихом океане он доберется сам. В течение последующих недель он проводил большую часть времени, сидя под самолетом, наблюдая за тем, как ветер гонит песок назад через фюзеляж. С отлетом Хелен и отъездом Теннанта, который увез с собой откопанный «мессершмитт», Мелвилл поймал себя на том, что его сны стали спокойнее, они как будто отключали любое воспоминание о космических полетах. Порой ему казалось, что все его воспоминания о периоде жизни, когда он готовился стать астрономом, не более чем фантазия; что это часть некой сложной иллюзии, своего рода метафора его истинных устремлений. Эта убежденность способствовала значительному улучшению его здоровья и уверенности в себе.

Даже когда доктор Лэнг вскарабкался на дюны, чтобы сообщить ему, что Хелен Уинтроп погибла две недели назад, разбившись на своей «сессне» в аэропорту Найроби, Мелвилл поправился настолько, что мог позволить себе несколько дней искреннего горя. Он съездил на аэродром и побродил по пустому ангару. Повсюду были следы ее поспешного отлета – запасной набор ракетниц и чемоданы с одеждой, разбросанные среди пустых канистр.

Вернувшись на дюны, он продолжил откапывать из песка разбившийся бомбардировщик, стараясь, однако, при этом не слишком его обнажать. Хотя в сыром осеннем воздухе Мелвилл часто испытывал усталость, с каждым днем им все сильнее овладевало спокойствие. Его дарили огромный фю-

зеляж «Летающей крепости», в чью кабину он больше не осмеливался войти, и мечта о полете на остров Уэйк.

1974

My Dream of Flying to Wake Island. Первая публикация в журнале *Ambit*, осень 1974 года.

Воздушная катастрофа

Известие о том, что самый крупный в мире авиалайнер с тысячей пассажиров на борту рухнул в море рядом с Акапулько, достигло меня, когда я был на ежегодном кинофестивале в этом курортном городе. Когда первые радиосообщения о катастрофе прозвучали из громкоговорителей конференц-зала, мои коллеги-журналисты покинули свои места и устремились на улицу. Молча мы вместе смотрели на залитый солнцем океан, почти ожидая увидеть, как к берегу в любую минуту устремится каскад из гигантских волн.

Как и все остальные, я понимал: это самая крупная катастрофа в истории авиации, трагедия, равная по своим масштабам уничтожению города приличных размеров. Я утратил всякий интерес к кинофестивалю и был даже рад, когда глава моей телекомпании в Мехико велел мне отправиться к месту катастрофы милях в тридцати южнее Акапулько.

Садясь за руль машины, я вспомнил, когда эти гигантские авиалайнеры начали свои полеты. Хотя они не демонстрировали особый прорыв в области авиастроения – по большому счету это была двухэтажная версия ранних моделей, – самую цифру, тысячу, отличало нечто такое, что завладело моим воображением. Меня буквально преследовали дурные предчувствия, какие была бессильна развеять любая реклама.

Тысяча пассажиров – я мысленно принялся их считать, –

бизнесмены, пожилые монахини, дети, возвращающиеся к родителям, сбежавшие парочки, дипломаты и даже возможный угонщик самолетов. Это был почти идеальный срез человечества, своего рода образец опроса общественного мнения, что делало катастрофу еще более реальной. Я поймал себя на том, что то и дело смотрю на море, ожидая увидеть, как на пустынные пляжи будут выброшены первые сумочки и спасательные жилеты.

Чем раньше я сфотографирую выброшенную на берег вещь и вернусь в Акапулько – пусть даже на эту пустышку, кинофестиваль, – тем легче мне будет. К сожалению, дорога в южном направлении была забита транспортом. Вполне понятно, что все другие журналисты, освещавшие кинофестиваль, как мексиканские, так и зарубежные, получили от начальства задание отправиться к месту катастрофы. Фургоны телевизионщиков, полицейские автомобили и машины обычных зевак стояли бампер к бамперу. Раздраженный этим людоедским интересом к трагедии, я поймал себя на страстном желании, чтобы к нашему приезду к месту катастрофы, когда мы выйдем на берег, от авиалайнера не осталось и следа.

На самом же деле, когда я слушал сводки новостей, о самой катастрофе практически не было никакой информации. Комментаторы уже прибыли на место и теперь нарезали круги по океанским волнам во взятых напрокат моторках. По их словам, в месте падения самолета не наблюдалось никаких

следов топлива и никаких обломков.

Увы, не было почти ни тени сомнений, что лайнер рухнул в воду. Экипаж другого пассажирского лайнера видел, как гигантский самолет взорвался прямо в воздухе, возможно, вследствие диверсии на его борту. Один фрагмент достоверной информации крутили по радио раз за разом – последнее сообщение пилота гигантского авиалайнера о пожаре в грузовом отсеке.

Да, похоже, самолет рухнул в океан – но где именно? Несмотря на всю скудость информации, машины продолжали ползти на юг. Позади меня нетерпеливые американские телерепортеры попытались обогнать медленно ползущую ленту машин, выехав на обочину. Тотчас же вспыхнули первые препирательства. На пересечениях крупных дорог дежурила полиция и, как обычно, умудрилась еще больше замедлить продвижение. Спустя примерно час этой пытки мой мотор начал закипать, и я был вынужден свернуть с дороги в автомастерскую.

Сидя перед входом в гараж, я прекрасно осознавал, что попаду к месту крушения не раньше чем вечером. Отвернувшись от практически застывшей на месте колонны машин, я посмотрел на горы в нескольких милях отсюда. Предгорья прибрежного хребта вздымались в равнодушное, без единого облачка, небо, и их острые пики пламенели на солнце. Мне подумалось: а ведь никто не видел самого падения авиалайнера в море. Он взорвался где-то над горами, и ве-

роятная траектория забросила обреченную крылатую машину в океанскую пучину. С другой стороны, экипаж второго самолета, видевший момент взрыва, мог ошибиться в своих расчетах на несколько секунд, а значит, самолет вполне мог упасть в нескольких милях от берега.

По совпадению, два журналиста в соседней машине также обсуждали эту возможность с работником гаража, пока тот заправлял им бензобак. Парень жестами указывал на горы, туда, где по долине с отвесными стенами вилась грунтовая дорога. Он даже громко хлопнул в ладоши, имитируя звук взрыва.

Журналисты скептически посмотрели на него. Похоже, его аргументы их не убедили. Неопрятная внешность парня и его местный диалект, который было невозможно разобрать, скорее отталкивали. Расплатившись, журналисты свернули на дорогу и вновь влились в колонну машин, черепашим шагом ползущую на юг.

Проводив их взглядом, мексиканец вернулся к своим занятиям.

– Ты видел взрыв над горами? – спросил я у него.

– Возможно, трудно сказать. Кто знает, вдруг это была молния или снежная лавина.

– Так ты не видел самолет?

– Нет, этого не могу сказать.

Он пожал плечами. Ему явно хотелось поскорее улизнуть с работы. Я подождал, пока он передал дела напарнику, за-

брався на заднее сиденье мотоцикла какого-то своего приятеля и укатил вдоль побережья в том же направлении, что и все.

Я посмотрел на дорогу, которая вела в горы. На мое счастье, в четырехстах ярдах за гаражом, на дальнем краю поля, в нее вливался сельский проселок.

Через десять минут я уже катил вверх по долине, удаляясь от прибрежной равнины. Что заставило меня прислушаться к внутреннему голосу, шептавшему, что самолет упал в горах? Корыстный интерес, надежда утереть нос коллегам и произвести впечатление на редактора. Впереди показалась крошечная деревушка, скопление обшарпанных домиков с двух сторон покатой площади. Перед таверной сидели с полдюжины местных крестьян. Сама таверна походила на окошко в каменной стене. Прибрежное шоссе осталось далеко внизу, являя собой часть совершенно иного мира. С этой высоты кто-то наверняка заметил взрыв, если самолет упал именно здесь. Мне нужно лишь расспросить местных жителей. Если никто ничего не видел, я просто развернусь и, как и все, поеду дальше на юг.

Въехав в деревню, я вспомнил, какая бедность царит в этой части Мексики. Здесь почти ничего не изменилось с начала девятнадцатого века. Большинство скромных каменных лачуг до сих пор не имели электричества. Я заметил одну-единственную телевизионную антенну и несколько древних автомобилей, по сути развалюх на колесах, стоявших на

обочине среди ржавеющей сельхозтехники. Вверх уходили изъеденные эрозией склоны. Бедная почва уже давно утратила свое скудное плодородие.

Тем не менее оставался шанс, что местные жители что-то видели – может, яркую вспышку, а может, то, как обреченный самолет пронесся над их головами в сторону океана.

Остановив машину на мощенной булыжником площади, я зашагал к сидящим у таверны крестьянам.

– Я ищу разбившийся самолет, – сказал я. – Возможно, он упал где-то рядом. Вы что-нибудь видели?

Они разглядывали мою машину – им она была куда интереснее, нежели что-то упавшее с неба. Они качали головами и как-то странно, я бы сказал таинственно, махали руками. Я понял, что зря потратил время, отправившись в эту индивидуальную экспедицию. Горы обступали меня со всех сторон, долины казались входами в некий огромный лабиринт.

Я уже собрался вернуться к машине, когда один из крестьян, тот, что постарше, дотронулся до моей руки и как будто невзначай указал на узкую долину, что пролегла между двумя соседними пиками высоко над нашими головами.

– Самолет? – повторил я.

– Он там, наверху.

– Что? Ты уверен? – Я попытался сдержать волнение, опасаясь выдать себя с головой.

Старик кивнул, было видно, что я ему более не интересен.

– Да, в конце той долины. Путь неблизкий.

В считанные секунды я снова отправился в дорогу, с трудом сдерживая себя, чтобы в очередной раз не посадить мотор. Пара расплывчатых фраз старика убедили меня, что я на верном пути и скоро сенсацией сделаю себе имя, о чем мечтал с самого начала моей журналистской карьеры. Сколь равнодушно ни говорил старик, он говорил серьезно.

Я ехал вверх по узкой дороге, то и дело лавируя между колдобинами и вымоинами. На каждом повороте я почти ожидал увидеть хвостовое оперение самолета, лежащего на каком-нибудь далеком выступе, и сотни тел, разбросанных по горному склону, словно некая поверженная армия. Я принялся мысленно перебирать варианты начального абзаца моего репортажа, который продиктую моему испуганному редактору, пока мои соперники в пятидесяти милях от меня будут таращиться на пустой океан. Требовалось достичь идеального сочетания сенсации и сострадания, жестокого реализма и меланхоличных вздохов, которому зритель не в состоянии противостоять. Начать можно с жуткой картинки: одинокое самолетное кресло на горном склоне, раскиданные повсюду порванные чемоданы, мягкая детская игрушка, а потом... дно долины, сплошь усеянное трупами.

Я почти час катил вверх по горной дороге, время от времени делая вынужденные остановки, чтобы убрать перегородившие мне путь камни. Эта удаленная бесплодная местность была практически безлюдна. Кое-где к склону лепи-

лась жалкая хижина; примерно с полумиллю над моей головой тянулся телеграфный провод, который внезапно обрывался, как будто телеграфная компания вскоре поняла всю бессмысленность этой затеи.

Вскоре меня вновь посетили сомнения. Что, если тот старик в деревне сыграл со мной злую шутку? Ведь если он видел падение самолета, то наверняка проявил бы большую озабоченность.

Прибрежная равнина и море были в десятке миль за моей спиной, представая взору лишь на несколько мгновений, пока дорога вилась по долине, поднимаясь все выше и выше. Оглянувшись на залитый солнцем берег в зеркало заднего вида, я ненароком наехал на кучу каких-то камней. Я тотчас же ощутил толчок и по изменившейся ноте выхлопа понял, что повредил выхлопную трубу.

Проклиная себя за то, что ввязался в эту безумную авантюру, я осознал, что мне светит надолго застрять в этих чертовых горах. Между тем время давно перевалило за полдень. На мое счастье, у меня был полный бак горючего, однако на узкой горной дороге я никак не мог развернуться, чтобы поехать назад. Мне ничего не оставалось, как двигаться дальше.

Вскоре передо мной замаячила вторая деревня – горстка лачуг, построенная в прошлом веке вокруг ныне заброшенной церквушки. Единственная ровная площадка, на которой я мог развернуться, сейчас была занята двумя крестьянами,

грузившими на телегу дрова. Дожидаясь, пока они закончат свое занятие, я обратил внимание на то, насколько беднее они были даже по сравнению с жителями первой деревни. Их одежда была сшита наполовину из кожи, наполовину из шкур животных. Кроме того, все как один были вооружены. По их хмурым взглядам я понял: они не колеблясь пустили бы в ход свои ружья, останься я здесь после наступления темноты.

Пока я осторожно разворачивал машину, они пристально смотрели за мной, буквально пожирая глазами дорогой спортивный салон автомобиля, видеокамеру на сиденье рядом со мной и даже мою одежду – в их понятии все это наверняка было верхом шика и экзотики.

Дабы объяснить мое присутствие в их деревне и придать себе некий официальный статус, который бы не позволил им выпустить пулю мне в спину, когда я буду отъезжать, я сказал:

– Я получил приказ найти самолет – он упал где-то поблизости.

Я уже взялся за ручку коробки передач, когда один из них кивнул мне в ответ. Положив одну руку мне на ветровое стекло, он другой указал на узкую долину, лежащую между двумя горными пиками примерно в тысяче футов выше.

Я вновь повел машину вверх по горной дороге. Мои сомнения оставили меня. Теперь я раз и навсегда докажу скеп-

тику-редактору мою ценность как репортера. Два разных свидетеля подтвердили падение самолета. Стараясь окончательно не загубить машину на каменистой дороге, я покати́л в долину, что притаилась высоко в горах.

В течение двух последующих часов я медленно, но верно поднимался все выше и выше среди голых, унылых гор. К этому времени прибрежная равнина и море окончательно скрылись из вида. Лишь раз где-то далеко внизу промелькнула, словно крошечное пятнышко на ковре, первая деревушка. На мое счастье, дорога продолжала вести меня все дальше вверх, к моей цели. Это был узкий каменистый проселок – его ширины едва хватило для колес, когда я был вынужден вписываться в очередной поворот.

Еще дважды я делал остановку, чтобы расспросить местных жителей, которые наблюдали за мной из дверей своих убогих лачуг. Пусть нехотя, но они подтвердили, что останки самолета лежат высоко в горах.

В четыре часа пополудни я, наконец, достиг безлюдной долины, зажатой между двумя горными пиками, и последней деревушки на моем долгом пути. Здесь дорога заканчивалась каменной площадью, окруженной со всех сторон жилищами местных жителей. Построенные лет двести назад, дома эти все последующее время только и делали, что погружались назад, в землю.

Деревушка по большей части была пуста, однако, к моему великому удивлению, несколько человек вышли ко мне

из своих жилищ, в немом благоговении глядя на мой пыльный автомобиль. Меня тотчас же поразила их бедность. У них не было ничего. Это были нищие – лишенные не только материальных вещей, но и религии, надежды, любого знания об остальном человечестве. Выйдя из машины, я закурил. Интересно, что будет дальше? Между тем они собрались вокруг меня, правда, на уважительном расстоянии. Внезапно меня посетила странная мысль: подумать только, огромный авиалайнер, кульминация инженерной мысли в области авиастроения за последние сто лет, встретил свой конец среди этих полудиких оборванцев!

Глядя на их тупые, непроницаемые лица, я чувствовал, что окружен редкой группой умственно неполноценных. Это была деревня недоумков, правда довольно мирных, при условии, что их никто не трогал в их заброшенной горной долине. Возможно, в ее почве содержались какие-то минералы, наносившие ущерб нервной системе, в результате чего по своему умственному развитию они мало отличались от животных.

– Самолет... вы видели авиалайнер? – крикнул я им. Вокруг меня собралось около десятка мужчин и женщин. Все как один замороженными взглядами рассматривали мою машину, мою зажигалку, мои солнечные очки в золотой оправе, даже мое пухлое тело. – Самолет? Здесь, – нарочно упростив мою речь, я указал на каменистый склон и ущелья выше их деревни. Однако, похоже, ни один из них меня не понял. Мо-

жет, они глухонемые? На вид вроде бы вполне мирные. Внезапно мне подумалось, что они могут нарочно скрывать факт авиакатастрофы. С тысячи трупов они могут снять столько добра, какого им хватит, чтобы ни в чем не нуждаться еще в течение целого века. Я бы не удивился, увидев на этой крошечной площади горы чемоданов, самолетных кресел и сложенные штабелями, словно дрова, трупы.

– Самолет... – неуверенно повторил их старший, невысокий человечек с желтым лицом размером не более моего кулака. До меня тотчас дошло: ни один из них не понимает моих слов. Их диалект представлял собой примитивный волапюк, нечто на грани разумной речи.

Пока я ломал голову, как же им объяснить цель моего приезда, мой взгляд упал на сумку с видеокамерой, на которой все еще болтался ярлык авиакомпании. На мое счастье, ярлык украшала яркая картинка огромного авиалайнера. Оторвав ярлык от сумки, я показал картинку местным жителям. Они тотчас дружно закивали.

Они что-то бормотали друг другу, указывая на узкое ущелье, являвшее собой небольшое продолжение долины на другом краю деревни. К ущелью вела узкая дорога, вскоре исчезающая среди каменистой почвы.

– Лайнер? Он там? Отлично! – На радостях я вынул бумажник и достал из него толстую пачку банкнот, щедрые командировочные, выданные мне для освещения кинофестиваля. Помахав перед ними деньгами, я повернулся к их стар-

шему.

– Ты укажешь путь. Мы поедem туда прямо сейчас. Там много тел? Повсюду трупы?

Местные жители дружно закивали, не сводя с пачки банкнот жадных глаз.

* * *

Через деревню мы проехали в машине, следуя вдоль тропы на склоне горы. Отъехав от деревни примерно полмили, мы были вынуждены остановиться, так как склон стал слишком крутым. Мой проводник указал на вход в ущелье. Мы вышли из машины и отправились дальше пешком. Я тотчас поймал себя на том, как неудобно двигаться по горам в костюме. Дно ущелья было усеяно острыми камнями, которые вонзались в подошвы моих ботинок. Я отстал от моего проводника, который перескакивал с камня на камень, словно горный козел.

Странно, но пока я не увидел никаких признаков падения гигантского авиалайнера – ни обломков, ни сотен тел. Наконец мы достигли конца ущелья. Последние триста футов горы взмывали вверх, к пику, отделенному от своего близнеца долиной и расположенной в ней деревней. Мой проводник остановился и указал на каменную стену. На его крошечном личике читалась нескрываемая гордость.

– Где? – Затаив дыхание, я снял с камеры чехол. – Здесь

ничего нет.

И тогда я увидел, куда он меня привел, поняв, что описывали мне все местные жители, начиная с самой первой деревни. Рядом со стеной ущелья лежали останки трехмоторного военного самолета, когда-то носом врезавшегося в местные скалы. Ткань давно была сорвана ветром, отчего самолет являл собой груды ржавеющих обломков крыльев и фюзеляжа. Он пролежал здесь никак не менее тридцати лет, этакое побитое временем божество, властвующее над голыми горами. Каким-то образом факт его нахождения здесь передавался от одной деревни к другой.

Мой проводник указал на скелет самолета и улыбнулся. Правда, взгляд его был прикован к моей груди, вернее, к бумажнику в моем нагрудном кармане. Он уже почти протянул к нему руку. Несмотря на малый рост, он был не менее опасен, чем дикий пес.

Я взял из кармана бумажник и протянул ему одну-единственную банкноту. Ее сумму он вряд ли мог заработать даже за месяц. Но поскольку цифры, похоже, ничего для него не значили, он довольно агрессивно указал на остальные деньги.

Я оттолкнул его руку.

– Послушай, этот самолет меня не интересует. Он не тот, что мне нужен, ты, болван! – Когда же он посмотрел на меня непонимающим взглядом, я достал из кармана ярлык авиалинии и показал ему картинку пассажирского лайнера. – Вот

этот. Очень большой! Сотни тел.

Самообладание начало мне изменять. Я должен был дать выход злости и разочарованию.

– Это не тот самолет, понимаешь? Не тот! – орал я на него. – Здесь повсюду должны быть трупы, сотни трупов!

Он развернулся и ушел. Я же остался стоять, где стоял, осыпая проклятиями каменные стены пустого ущелья высоко в горах и ржавый остов десятки лет назад разбившегося здесь военного самолета.

Спустя десять минут, когда я вернулся к моей машине, я обнаружил, что прокол, который я заподозрил еще днем в одной из передних шин, сделал свое дело: воздух из нее вышел. Валясь с ног от усталости, в грязной одежде, разбитых о камни ботинках, понимая всю бесполезность этой абсурдной экспедиции, я тяжело опустился за руль. Мне крупно повезет, если к вечеру я доберусь до побережья. К тому времени все до последнего журналисты уже сообщат о находке рухнувшего в Тихий океан авиалайнера. Мой редактор, сгорая от нетерпения, будет ждать от меня репортаж, чтобы успеть вставить его в вечерний выпуск новостей.

Увы, вместо этого я застрял среди голых скал, машина моя повреждена, а моя жизнь, возможно, в опасности – кто поручится, чего можно ждать от этих деревенских идиотов. Немного отдохнув, я собрал нервы в кулак.

Чтобы заменить колесо, ушло полчаса. Когда я заводил

мотор, чтобы отправиться в долгий обратный путь к прибрежной равнине, даже здесь, высоко в горах, уже начало смеркаться. Деревня лежала в трехстах ярдах ниже. Вскоре я увидел внизу, на повороте дороги, первые лачуги. Один из местных жителей стоял рядом с низкой стеной, держа в одной руке нечто похожее на оружие. Я тотчас притормозил, зная, что если они решили напасть на меня, то надежды вырваться от них у меня нет. Вспомнив про бумажник, я вынул его и разложил на сиденье банкноты. Возможно, я сумею купить у них проезд через их деревню.

Когда я подъехал ближе, человек вышел на дорогу. Оружие в его руках оказалось грубо сделанной лопатой. Я не заметил в нем никакой угрозы. Невысокого роста, как и все остальные, он, скорее, просил меня о чем-то, даже умолял.

Рядом со стеной на обочине лежал ворох старой одежды. Он надеялся, что я ее у него куплю? Я уже притормозил и приготовился протянуть ему банкноту, когда понял, что передо мной женщина. Похожая на замотанную в шаль обезьянку, она смотрела на меня незрячим взглядом. Тогда я увидел, что ее похожее на череп лицо – это на самом деле череп, а ее выпачканная в земле одежда – саван.

– Труп, – нервно проговорил мужчина, трогая пальцем лопату. Я протянул ему деньги и поехал дальше. Вскоре я уже катил по дороге, что вела в деревню.

Ярдах в пятидесяти впереди на обочине стоял другой парень, тоже с лопатой. Рядом с крышкой открытого гроба си-

дел маленький ребенок, тоже недавно вынутый из могилы.
– Труп...

На всем моем пути через деревню в дверях домов стояли люди: кто-то поодиночке – те, кому было нечего мне предложить, другие – с лопатами. Выкопанные из своих могил, трупы сидели перед лачугами, прислонившись к каменным стенам, словно бедные родственники, которых выставили из дома зарабатывать себе на пропитание.

Раздав последние деньги, я проехал мимо. По пути вниз я еще долго слышал у себя за спиной приглушенные голоса, провожавшие меня всю дорогу.

1974

The Air Disaster. Первая публикация в журнале *Bananas*, январь – февраль 1975 года.

Низколетающие самолеты

– Этот человек играет в безумную игру с самим собой.

С балкона на одиннадцатом этаже пустого отеля Форрестер и его жена наблюдали за тем, как со взлетно-посадочной полосы в Эмпуриабравы², протянувшейся в полумиле от них, приготовился подняться в воздух легкий самолет. Переделанный биплан сельскохозяйственной авиации с серебристым фюзеляжем и открытой пилотской кабиной застыл в конце бетонной полосы. Его мотор рокотал над заброшенным курортом, словно обезумевший вентилятор.

– Когда-нибудь у него не получится... уверен, что именно этого он и ждет...

Форрестер решительно встал с шезлонга и мимо столика-тележки шагнул к балконным перилам. Теперь самолет стремительно двигался по взлетной полосе, касаясь хвостовым колесом разметочной линии. По земле ему оставалось преодолеть всего двести футов.

Взлетная полоса была построена тридцать лет назад для обеспеченных швейцарцев и немцев, прилетавших на личных самолетах отдыхать в курортном комплексе на Коста-Браве. Теперь, когда за его состоянием никто не следил, вдававшийся в море бетонный волнолом был обрублен силь-

² Эмпуриабрава – курортный город в Испании, в провинции Жирона.

ными морскими течениями на треть первоначальной длины.

Однако у пилота это, похоже, не вызывало никакого беспокойства. Над летными очками выступал выпуклый лоб, длинные волосы на разбойничий манер были собраны в конский хвост. Вцепившись в перила, Форрестер со смешанными чувствами ждал, что будет дальше, – с одной стороны, ему не терпелось увидеть, как этот нелюдимый и надменный доктор врежется в скалы, с другой – сложное и запутанное соперничество с Гулдом вынудило Форрестера выкрикнуть предостережение.

В последний момент, когда взлетной полосы оставалось не более двадцати футов, Гулд резко откинулся на сиденье назад, практически оторвав самолет от земли. Тот круто взмыл ввысь над разбитой бетонной дамбой, заложил вираж и, описав круг низко над морем, взял курс в сторону суши.

Когда он пролетел над их головами, Форрестер посмотрел вверх. Иногда ему казалось, что Гулд намеренно пытается спровоцировать его или, что вероятнее всего, Джудит. Между ними существовала некая молчаливая связь.

– Ты видела этот взлет? – спросил он. – Их больше не будет.

Джудит откинулась на шезлонг, отсутствующим взглядом глядя на опустевшую взлетную полосу. Когда-то Форрестер пытался подчеркнуть опасность этих взлетов, надеясь тем самым отвлечь ее в эти последние, тягостные месяцы беременности. Впрочем, нужды в этом спектакле больше не бы-

ло, даже сегодня, когда они ждали медбрата, который должен привезти из Фигераса³ результаты амниотического сканирования. Как только следующий летний шторм сделает с разваливающейся взлетной полосой свое черное дело, Гулд непременно разобьется. Кстати, он мог бы давно этого избежать, если бы расчистил участок любой из сотни заброшенных дорог.

– Сейчас здесь слишком тихо, – заметила Джудит. – Ты видел медбрата? Он должен был приехать еще утром.

– Приедет, никуда не денется. Клиника работает лишь один день в неделю. – Форрестер взял жену за маленькую пятку и подержал ее в ладонях, искренне, без какой-либо лжи или расчета, восхищаясь ее белыми ногами. – Не переживай, на этот раз это будут хорошие новости.

– Я знаю. Странно, но я тоже в этом абсолютно уверена. За все эти месяцы у меня ни разу не возникло сомнений.

Форрестер прислушивался к гулу легкого самолета, пока тот не исчез за холмами позади курорта. Внизу, на улице, ветром с берега намело песка, и теперь там образовалась цепочка дюн, неумолимо надвигавшихся на город. Брошенные машины уже были засыпаны по самые окна. Неудивительно, что редкие следы автомобильных шин, которые вели ко входу в отель, принадлежали «хонде» медбрата. Пощелкивание ее мотора распространялось по всему городу, словно

³ Фигерас – испанский город в провинции Жирона, расположенный в 10 километрах от границы с Францией.

меланхолический токсин. Медбрат с серьезным лицом наблюдал Джудит начиная с первого дня их приезда сюда два месяца назад, неизменно проявляя необычайную заботу, но при этом не выказывая абсолютно никаких эмоций, как будто уже был уверен в исходе беременности.

Тем не менее Форрестер ловил себя на том, что по-прежнему цепляется за надежду. Когда-то он страшился этих бесплодных беременностей жены, этих вынужденных поездок из Женевы и бесконечной вереницы пустых средиземноморских курортов, пока они ждали появления на свет очередного уродливого младенца. Но этой, последней беременности Джудит он ждал с нетерпением, видя в ней едва ли не вызов, неравную игру с судьбой за величайший из возможных призов. Когда шесть месяцев назад Джудит сказала ему, что снова забеременела, он тут же начал готовиться к переезду в Испанию. Джудит беременела легко. Горький парадокс: эта буйная, неутолимая сексуальность, эта повышенная фертильность, пусть даже и сомнительного рода, посреди почти полностью обезлюдевшего мира.

– Ричард, прекрати. У тебя измученный вид. Давай выпьем за меня. – Джудит подтащила столик к своему шезлонгу и привстала, словно ожившая игрушка. Посмотрев на ее отражение в зеркале спальни, Форрестер поймал себя на мысли о том, как похожи они на другую пару, Скотта Фицджеральда и его жену, два таких же красивых, прекрасных тела, таящих в себе свой постыдный секрет.

– Ты хотя бы понимаешь, что уже вечером мы будем знать результаты сканирования? Ричард, это нужно отпраздновать! Наверное, нам следовало выбрать Бенидорм.

– Бенидорм слишком велик, – возразил Форрестер. – Летом там может быть человек пятнадцать, если не все двадцать.

– Вот именно. Нам нужно общаться с другими людьми, поделиться с ними хорошими новостями.

– Вообще-то... – Они приехали в этот тихий уголок в северной части Коста-Бравы специально для того, чтобы пожить подальше от людей. Если честно, Форрестер был недоволен, обнаружив здесь Гулда, этого хиппаря-врача, жившего в одном из заброшенных приморских отелей, который после недельного отсутствия неожиданно вновь объявился здесь на своем самолете.

Форрестер окинул взглядом ряды заброшенных отелей и вилл, давно закрытых ресторанов и супермаркетов. В этой пустоте было нечто умиротворяющее. Здесь он чувствовал себя гораздо спокойнее, едва ли не единственным обитателем этого забытого городка.

Встав рядом возле балконных перил, они потягивали из бокалов напитки и глядели на безмолвную бухту. Форрестер обнял жену за округлившуюся талию. Последние недели он не мог заставить себя не прикасаться к ней. Как только Гулд уедет, здесь все станет прекрасно. Они будут до конца лета валяться в постели, заниматься любовью и играть с ма-

лышом — в наши дни это редкость, средний показатель нормальных родов — одни на тысячу, и даже меньше. Он уже представлял себе, как с гор спускаются несколько пожилых крестьян и проводят на берегу некий примитивный праздник урожая.

Вскоре у них за спиной над городом вновь появился самолет. На какой-то миг взгляд выхватил серебристый шлем Гулда: у доктора имелась привычка, неизменно раздражавшая Форрестера, наносить на шлем, летную куртку и даже крылья его старого «мерседеса» полосы — этакое тщеславие второкурсника, которое ему совсем не к лицу. Форрестер находил следы краски в разных местах по всему городу: на пешеходном мостике над каналом, отделявшем марину и взлетно-посадочную площадку в Эмпуриабрава от прибрежных отелей в Росасе, на углах улиц, ведущих к отелю Гулда.

Эти отметины, сделанные, по всей видимости, наугад, были элементами некоего секретного личного языка. Форрестер уже был почти уверен, что Гулд занимается в горах какими-то темными делишками. Скорее всего, он грабит брошенные монастыри, ворует иконы и золотую церковную утварь. Форрестер легко представлял себе, как, кружа на своем самолете над средиземноморским побережьем, одинокий доктор ведет нескончаемые поиски, как копит груды сокровищ и произведений искусства на случай, если дела в мире бизнеса вновь пойдут на лад.

Последняя встреча Форрестера с Гулдом, состоявшаяся

в музее Сальвадора Дали в Фигерасе, похоже, подтвердила его подозрения. Он высадил Джудит в клинике, где, как они надеялись, амниотическое сканирование подтвердит отсутствие патологии плода, и по ошибке забрел в музей, который город посвятил своему самому знаменитому уроженцу.

Быстро проходя по пустым галереям, Форрестер заметил Гулда. Тот сидел, развалившись на центральном диване, и с завидным хладнокровием рассматривал дряблых зародышей и анатомические уродства, созданные фантазией художника-сюрреалиста. В усыпанной серебристыми блестками куртке и с забранными в хвост волосами, Гулд скорее походил на «ангела ада» средних лет, нежели на врача. Рядом с ним на диване лежали три живописных полотна, которые он снял со стен и которыми позднее украсил свой номер в отеле.

– На мой вкус, они чересчур откровенны, – прокомментировал Форрестер. – Подборка кадров кинохроники, снятой в аду.

– Смелая догадка о будущем, – согласился Гулд. – Главная антиутопия – то, что у нас в голове.

Когда они выходили из музея, Форрестер сказал:

– Джудит через три недели рожать. Мы тут подумали, не согласитесь ли вы уделить ей внимание?

Гулд ничего не ответил. Переложив холсты из руки в руку, он нервно посмотрел на деревья на безлюдной аллее, как будто ожидая там что-то увидеть. Форрестер же в очередной

раз подумал о том, что этот человек устал. Нервозность еще больше подчеркивала худобу его костлявого лица.

— А как же медбрат? Думаю, он более квалифицирован, чем я.

— Я думал не столько о рождении, сколько о...

— Сколько о смерти?

— Вообще-то... — Обескураженный воинственным тоном Гулда, Форрестер был вынужден покопаться в своем арсенале эвфемизмов. — Мы, конечно, полны надежды, хотя уже давно научились быть реалистами.

— Весьма похвально с вашей стороны.

— Учитывая возможный исход, я думаю, Джудит предпочла бы иметь дела с человеком вроде вас.

Гулд понимающе покивал в ответ, после чего пытливо посмотрел на Форрестера.

— Почему бы вам не оставить ребенка? Каким бы ни был исход.

Его слова потрясли Форрестера. Ошарашенный докторской агрессией, он пару минут смотрел Гулду вслед, когда тот, взяв под мышку жуткие картины, показал ему неприличный жест, развернулся и зашагал назад к самолету.

Джудит лежала в спальне. Форрестер взял из ее ладони таблетки валиума, которые она по причине крайней усталости так и не приняла. Положив их назад в пузырек, он присел на край кровати. Последний час он пил, сидя один под солн-

цем на балконе, отчасти из-за скуки, потому как решил, что продолжительность человеческой беременности была главной ошибкой эволюции, отчасти из-за страхов, смешанных с надеждой.

Где же, черт побери, медбрат? Форрестер снова вышел на балкон и окинул взглядом ведущую на Фигерас дорогу, вдоль которой тянулись заброшенные ночные клубы и агентства по прокату моторных лодок. Самолет улетел, исчез где-то в горах. Бросив взгляд на взлетную полосу, Форрестер заметил в дверях ангара женскую фигуру в темной одежде. Он уже несколько раз видел ее раньше, когда она бродила по пляжу голышом, и честно признавался себе, что завидует возможной сексуальной связи между этой женщиной и Гулдом.

Было в их отношениях нечто загадочное, что интриговало его. Стараясь не двигаться, он ждал, когда молодая женщина выйдет на солнце. Благодаря алкоголю и своей излишне строгой моногамии он тотчас ощутил эрекцию. Несмотря на потребность в одиночестве, мысль о том, что всего в полумиле от него есть и другая молодая женщина, едва не свела его с ума.

Через пять минут он увидел девушку снова. Она спиной к морю стояла на смотровой площадке, на крыше клуба «Наутико», глядя куда-то за город, как будто ожидая возвращения докторского самолета.

Когда Форрестер выскользнул из номера, жена все еще спала. Сейчас на одиннадцатом этаже функционировали лишь два номера. Остальные были заперты, их окна закрыты. Капсулы времени, они хранили меланхолический груз: аэрозоли, спринцовки, шпильки для волос, тубики с маслом для загара, оставленные тысячами исчезнувших туристов.

Лифт для официантов, приводимый в действие стоявшим в подвале небольшим бензиновым двигателем, спустил его в фойе. Электричества в отеле не было, и система кондиционирования воздуха не работала, однако в здании стояла приятная прохлада. Возле лестницы в двух плетеных креслах, под стойкой с выцветшими открытками, рекламирующими пейзажи Росаса в пик его туристической популярности, сидели пожилой управляющий отеля и его жена. В те годы, когда сокращение населения впервые дало о себе знать, сеньор Сервера работал линотипистом в типографии одной из барселонских газет. Он и теперь был сущим кладезем информации о всемирном упадке населения.

– Миссис Форрестер спит. Если появится медбрат, отправьте его к ней.

– Надеюсь, новости будут хорошими. Вы ждали долго.

– Если все так, мы непременно отпразднуем это сегодня вечером. Джудит хочет открыть все эти ночные клубы.

Выйдя на солнце, Форрестер преодолел первую из цепочек дюн, что напоззли на улицы. Встав на крышу почти ушедшего в песок автомобиля, он бросил взгляд на вереницу

опустевших отелей. Когда-то, ребенком, он был здесь. Тогда курорт был все еще наполовину заполнен туристами.

Правда, уже тогда многие отели закрывались, но родители сказали ему, что тридцать лет назад город был так переполнен людьми, что на пляже было невозможно увидеть песок под ногами. Форрестер помнил клуб «Наутико», высившийся, словно авианосец, над барами и ночными клубами Эмпуриабравы. Те были битком забиты людьми, предававшимися безумным радостям конца века. Тогда уже строились первые из сети так называемых «отелей Венеры». Безумные парочки в массовом количестве прибывали сюда на автобусах из аэропорта в Жироне.

Соскочив с крыши автомобиля, Форрестер побрел по променаду в сторону Эмпуриабравы. Девственно-чистый песок тянулся прямо к воде, в нем наконец не стало ни сигаретных окурков, ни крышечек от бутылок, он был чист и мягок, как костная мука. Шагая мимо пустых отелей, Форрестер поймал себя на том, что при мысли об исчезнувших людях не испытывает никакой паники.

Подобно Джудит и всем, кого он знал, подобно старому линотиписту и его жене, сидевшим в одиночестве в фойе своего отеля, он совершенно спокойно воспринимал пугающую логику этого безлюдного кошмара, как если бы это было абсолютно естественным и мирным событием.

Сорока годами ранее, наоборот, мир охватила неконтролируемая эпидемия страха. Внезапно все осознали резкое

сокращение населения, очевидное падение рождаемости и, что еще страшнее, громадное увеличение числа появляющихся на свет деформированных уродов. Что бы ни положило начало этому процессу, в результате которого в данный момент Форрестер одиноко стоял на некогда заполненном людьми пляже на побережье Коста-Бравы, последствия были трагическими и необратимыми. Если спад рождаемости продолжится теми же темпами, то сократившемуся до двухсот тысяч человек населению Европы и до ста пятидесяти тысяч в США уже в следующем поколении уготовано полное исчезновение.

В то же время, как это ни парадоксально, снижения фертильности не наблюдалось ни у людей, ни у видов животных, которых постигла та же участь. Фактически рождаемость даже увеличилась, но почти все потомство появлялось на свет с врожденными уродствами. Форрестер вспомнил первых детей Джудит с их жуткими глазами, в которых были обнажены оптические нервы. Но еще кошмарнее были их деформированные половые органы – отвратительная пародия на человеческие гениталии, вселяющая ужас и отвращение.

Форрестер остановился в конце пляжа. Здесь вереница отелей поворачивала под прямым углом к каналу марины. Оглянувшись на город, он понял, что почти наверняка он – его последний посетитель. Продолжающийся коллапс европейской дорожной системы скоро сделает поездки в Испанию невозможными. Последние пять лет они с Джудит жи-

ли в Женеве. Работая в одном из агентств ООН, он переезжал из одного европейского города в другой. Под его началом была команда специалистов, проводивших инвентаризацию огромных запасов продовольствия, лекарств, товаров длительного пользования и промышленного сырья, скопившихся на складах и железнодорожных терминалах, в пустых супермаркетах и на остановившихся производственных линиях. Причем в таком количестве, что резко сократившееся население планеты могло просуществовать еще одно тысячелетие.

Хотя население Женевы составляло около двух тысяч человек, большинство европейских городов, включая, к немалому удивлению Форрестера, города со знаменитыми соборами – Шартр, Кельн и Кентербери, совершенно обезлюдели. По какой-то причине религия перестала приносить утешение. С другой стороны, несмотря на первоначальную панику, настоящего отчаяния не наблюдалось. Вот уже тридцать лет люди буднично уничтожали своих детей-мутантов, свертывая Западное полушарие подобно тому, как рабочие цирка разбирают шатры и убивают в конце сезона ненужных животных.

С берега канала Форрестер посмотрел на белый силуэт клуба «Наутико». Молодой женщины нигде не было видно. Позади него, лицом к взлетной полосе, находился придорожный ресторан, заброшенный несколько лет назад. Сквозь покрытые соляными разводами стекла были видны ряды буты-

лок на фоне зеркальной стены бара и столы с поставленными на них вверх ножками стульями.

Форрестер толкнул дверь внутрь. Интерьер ресторана напоминал музей. Здесь уже много лет ни одна вещь не сдвигалась с места. Несмотря на незапертые двери, никаких следов вандализма не было. Судя по следам на мелком песке, который нанесло на пол, за многие годы сюда заходили лишь несколько путешественников. Промочив горло в баре, все они ушли отсюда, не причинив помещению никакого ущерба. Так было везде, где побывал Форрестер. Люди оставили сотни городов и аэропортов в исправном состоянии, как будто в расчете на тех, кто придет сюда после них.

Воздух в ресторане был затхлым, но прохладным. Форрестер сел за стойку и угостился бутылкой хересного бренди «Фундадор». Неторопливо потягивая напиток, он ждал, когда снова появится та молодая женщина. Посмотрев на другую сторону канала, он увидел на металлических перекладинах и проволочных перилах пешеходного мостика две непрерывные серебристые флюоресцирующие линии, явно оставленные Гулдом. В открытую дверь были видны точно такие же полосы – пересекая дорогу, они карабкались вверх по ступенькам к отелю Гулда, где исчезали в фойе.

Стоя, пошатываясь, на дороге, Форрестер бросил хмурый взгляд на безвкусный фасад отеля, построенного в вульгарно-эротическом греческом стиле. Голые кариатиды ростом с трехэтажный дом поддерживали ложный портик, украшен-

ный изображениями сатиров и нимф. Почему Гулд решил поселиться в этом отеле, выбрав именно его из массы прочих пустующих отелей Росаса? Здесь, в части города, служившей аналогом квартала красных фонарей, этот отель был из числа заведений, которые во всем мире стыдливо именовались «отелями Венеры», но которые Джудит называла не иначе как «секс-отели».

От Вайкики до Глифады, от Рио до Ресифи в Бразилии эти отельные комплексы в первые годы глобального сокращения населения росли как грибы. Вскоре туда хлынул поток субсидируемых правительствами туристов, дабы принять участие в последнем безумном празднике эротомании. В ложно понятой попытке подстегнуть рождаемость поощрялись любые, даже самые шокирующие сексуальные извращения.

Порнографический интерьер отелей, фойе, забитые разнообразными эротическими приспособлениями, бесконечные секс-фильмы, которые крутили по кабельному телевидению, – все это отражало всеобщее горестное осознание того, что секс больше ничего не значил. Чувство долга, пусть даже остаточное – перед будущим поколением, окончательно исчезло. Наоборот, «нормальное» стало восприниматься как непристойность. В фойе одного из этих отелей Форрестер и Джудит наткнулись на самое жуткое изображение из всех когда-либо виденных – отретушированную фотографию здорового ребенка.

Джудит и ее муж были слишком молоды, чтобы участво-

вать в этих отчаянных оргиях; к тому же в то время, когда они поженились, бытовало всеобщее отвращение к извращенному сексу любого рода. Целомудрие и романтическая любовь, добрачное воздержание от секса и все ограничения, свойственные моногамии, вернулись. Население планеты продолжало сокращаться, последние супружеские пары чопорно сидели рядом, подобно персонажам с картины Вермеера.

Между тем половое влечение не ослабевало. Чувствуя в теле воздействие алкоголя, Форрестер, покачиваясь, вышел на жаркий солнечный свет. Где-то за ангаром, рядом со взлетной полосой, его ждала молодая женщина. Не исключено, что в данный момент она наблюдает за ним из темной глубины ангара. По всей видимости, ей известно, о чем он думает, и, как ему казалось, она поощряет его, игриво расхаживая туда-сюда.

Форрестер шагнул на мост. За спиной тянулась вереница вульгарных отелей – декорация, как будто нарочно созданная именно для этой авантюры. Металлические планки моста легонько позвякивали у него под ногами. Ударяя по ним, как по клавишам ксилофона, он пошатнулся и налетел на перила, испачкав руки еще не высохшей серебристой краской.

Не отдавая себе отчета в своих действиях, он вытер ладони о рубашку. Полосы флюоресцирующей краски тянулись по всему мосту, извиваясь далее по стоянке рядом со взлетной полосой, на которой ржавели брошенные автомашины.

Следуя за оставленной Гулдом светящейся линией, Форрестер пересек канал. Дойдя до топливного склада, он увидел молодую женщину. Она вышла из ангара и теперь стояла в дверном проеме. На ноги ей падал прямоугольник солнечного света.

Ее умное лицо с легкими монголоидными чертами, как обычно, было спрятано за массивными темными очками – широкий подбородок и высокий лоб, а между ними панцирь темного стекла. Несмотря на эту маскировку, Форрестер был уверен, что она ожидала его, и даже более того – надеялась, что он здесь появится. Под черной шалью ее руки двигались словно руки школьницы – ей, вне всяких сомнений, известно, что, кроме Гулда, вечно отсутствующего в бесконечных одиночных полетах, он единственный мужчина на этом курорте, ну и еще старый линотипист из Барселоны.

На коже Форрестера выступил пот; горячие капли обожгли ему лоб. Стоя рядом с пожарным гидрантом, Форрестер вытер пот руками. Молодая женщина как будто ответила на его жесты. Ее руки выскользнули из-под шали и, двигаясь в каком-то сложном ритме, словно семафор, просигнализировали Форрестеру. Отвечая ей, он снова прикоснулся к своему лицу, не обращая внимания на серебристую краску у себя на руках. Более того, словно пытаясь втереться к ней в доверие, он размазал остатки краски по щекам и носу. Растер по губам липкие пятна.

Когда же он приблизился к молодой женщине и прикос-

нулся к ее плечу, та посмотрела на эти светящиеся контуры с внезапной тревогой, как будто поняла, что создавала из этих окрашенных фрагментов – рук, груди и черт лица – элементы не того человека.

Слишком поздно: она позволила, чтобы ее снова затолкали в сумрак ангара. Солнечные очки выскользнули из ее руки и упали на пол. Светящееся лицо Форрестера отразилось в их стеклах подобно хромированной маске в витрине авиационной компании. Он посмотрел на незрячую молодую женщину, шарившую одной рукой в поисках очков, а второй старавшуюся прикрыть от него глаза. В следующий миг до него донеслось жужжание легкого самолета, пролетавшего над городом.

Самолет Гулда описал круг над клубом «Наутико». Панели его серебристого фюзеляжа отражали солнце подобно facetному зеркалу. Форрестер отвернулся от молодой женщины, лежавшей возле задней стены ангара. Очки с разбитыми темными стеклами снова закрывали ей лицо. Шагнув на дневной свет, он, хотя самолет уже шел на посадку, перебежал взлетную полосу.

Когда через два часа, пройдя через пустынный город, Форрестер вернулся к отелю, он обнаружил на дюне ниже крыльца сеньора Серверу. Тот стоял, словно в бинокль глядя в свернутые трубочкой ладони. Он с явным облегчением помахал Форрестеру, подзывая его подойти ближе. Форре-

стер нарочно задержался на какое-то время в одном из отелей в центре Росаса, где, переходя из одной ванной комнаты в другую, пытался смыть краску с лица и рук. Затем примерно полчаса вздремнул в какой-то спальне.

– Миссис Форрестер... – Старик сделал беспомощный жест.

– Где она? – Форрестер последовал за Серверой ко входу в отель и поднялся на крыльцо. Жена бывшего линотиписта смущенно склонилась над конторкой красного дерева. – Что случилось?

– Приезжал медбрат... сразу после того, как вы ушли. – Старик умолк, глядя на следы серебристой краски, все еще поблескивавшие на лице Форрестера, но затем, махнув рукой, как будто отмахивался от них как от очередной несущественной мелочи этого странного дня, добавил: – Он принес результаты миссис Форрестер...

– С ней все в порядке? Что происходит?

Форрестер шагнул в сторону лифта, однако жена старика жестом поманила его обратно.

– Она ушла... Я пытался остановить ее. Она вырядилась.

– Вырядилась? Как?

– Э-э-э... весьма экстравагантно. Она была очень расстроена.

– О боже... – У Форрестера перехватило дыхание. – Бедная Джудит... Куда она пошла?

– К отелям. – Сервера поднял руку и неохотно указал на

«отели Венеры».

Форрестер нашел ее примерно через полчаса в номере для новобрачных на четвертом этаже одного из отелей. Пока он бежал вдоль канала, выкрикивая имя Джудит, Гулд медленно прохаживался по мосту, держа в руке летный шлем. Как только доктор зашагал по раскрашенному коридору, из дверей ангара выскользнула темная фигура молодой женщины, чьи разбитые стекла солнечных очков были похожи на черные солнца, и незряче последовала за ним.

Наконец, услышав плач Джудит, Форрестер вошел в отель. Он обнаружил ее в номере люкс на четвертом этаже. Она лежала, вытянувшись на постели для новобрачных, в окружении непристойных фресок и барельефов. Лежала на пыльном парчовом покрывале, одетая в крикливый наряд проститутки, который составила из предметов собственного гардероба. Похожая на пьяную куртизанку в последние часы беременности, она остекленевшим взглядом смотрела на Форрестера, как будто отказываясь узнавать его. Когда же он подошел ближе, Джудит схватила лежавший рядом с ней ошейник и попыталась ударить его.

Форрестер вырвал его у нее из рук. Затем схватил ее за плечи, пытаясь успокоить, но поскользнулся на разбросанных по всей кровати вибраторах и видеокассетах. Когда он восстановил равновесие, Джудит была уже у дверей. Пиная стойки с порнографическими журналами, расставлен-

ные возле каждой спальни, он бросился вслед за ней по коридору. Джудит устремилась вниз по лестнице, один за другим на бегу сбрасывая с себя предметы одежды. Затем Форрестер, к счастью, увидел Гулда. Тот стоял на лестничной площадке внизу, раскинув руки, чтобы ее поймать.

На закате, вернув отчаявшуюся женщину обратно в отель, Гулд и Форрестер в гаснущем свете дня стояли у входа. Неожиданно Гулд сочувственным жестом прикоснулся к плечу Форрестера. Правда, лицо его, как всегда, осталось бесстрастным.

– Она проспит до утра. Попросите у медбрата дать вам для нее талидомид. Следующие три недели вам придется давать ей успокоительное.

Он указал на серебристые пятна на лице Форрестера.

– В наши дни все мы носим боевую раскраску. Вы были в ангаре до того, как я приземлился. Кармен рассказала мне, что вы случайно наступили на ее очки.

Обрадованный тем, что молодая женщина по какой-то причине не выдала его, Форрестер сказал:

– Я пытался успокоить ее... она, похоже, тревожилась, что вас слишком долго нет.

– Теперь мне приходится летать все дальше и дальше. Она нервничает, когда меня нет рядом.

– Я не знал, что она... слепая, – сказал Форрестер, когда они зашагали по улице в сторону канала. – Хорошо, что вы

заботитесь о ней. Испанцы не раздумывая убили бы ее, если бы нашли здесь. Что будет, когда вы уедете отсюда?

— К тому времени с ней все будет в порядке. — Гулд остановился и в тусклом свете посмотрел на бетонную ленту взлетной полосы. Было похоже, что очередной кусок пористого бетона упал в море. Гулд задумчиво кивнул, словно размышлял о том, сколько еще дней оставляет ему этот неумолимо рушащийся причал. — Ну, так что с ребенком?

— Ничего нового, опять те же уродства. Скажу медбрату, чтобы он занялся этим.

— Зачем? — Прежде чем Форрестер успел ответить, Гулд взял его за руку. — Форрестер, ответьте на мой вопрос. Кто из нас способен определить, чья в этом вина?

— Матери, похоже, знают.

— Но правы ли они? Я начинаю думать, что нынешнее убийство младенцев затмевает собой избиение младенцев библейским царем Иродом. Послушайте, давайте завтра полетим вместе. Супруги Сервера присмотрят за вашей женой, она будет спать весь день. Обещаю, полет будет интересным.

Они вылетели в десять часов следующего утра. Сидя в передней кабине, ощущая, как поток разгоняемого пропеллером воздуха бьет ему прямо в лицо, Форрестер был убежден, что они разобьются. На полной скорости они промчались по взлетной полосе, где уже были отчетливо видны недавно отколовшиеся бетонные глыбы. Форрестер оглянулся через

плечо, надеясь, что Гулд каким-то чудом сумеет остановить самолет прежде, чем они разобьются насмерть, но лицо доктора было скрыто за массивными очками, как будто он не понимал грядущей опасности. В последний момент, когда под колесами уже почти возникла гряда бетонных блоков, Гулд потянул штурвал на себя. Как будто подброшенный вверх исполинской рукой, его крошечный самолет резко взмыл в воздух. Через тридцать секунд Форрестер вновь обрел возможность дышать.

Они выровнялись и заложили над безлюдным курортом левый вираж. Затянутой в перчатку рукой Гулд указал на пятна флюоресцирующей краски в горах над Росасом. До взлета, когда Форрестер сидел в тесной кабине, думая о том, почему он принял этот вызов, молодая женщина подкатила к самолету бочку с какой-то жидкостью. Гулд закачал ее содержимое в бак, который Форрестер мог видеть у себя под ногами. Пока он ждал, молодая женщина подошла к кабине и, подняв голову, посмотрела на Форрестера, как будто надеялась увидеть что-то на его лице. Было нечто гротескное, почти комичное в этой монголоидного вида девушке, невидящими глазами разглядывавшей мир через разбитые очки. Возможно, она была расстроена тем, что он утратил к ней интерес. Форрестер отвернулся от ее незрячего взгляда и подумал о Джудит, спящей в затемненном номере отеля, и крошечном и нежеланном жилище в ее утробе.

В восьмистах футах под ними простиралась широкая до-

лина, уходя вглубь материка, к предгорьям Пиренеев. Цепочка холмов служила северной стеной равнины Ампурдан, богатого сельскохозяйственного района, где даже теперь оставались небольшие островки культивируемых земель. Скота, правда, здесь уже не осталось, его забили много лет назад.

Они взяли курс на долину. С высоты Форрестеру были видны тропы и проселочные дороги. Они поднимались в горы и были обрызганы флюоресцирующей краской. Склоны гор также поблескивали серебряными полосами, нанесенными крест-накрест. Так вот, значит, чем занимался Гулд во время своих полетов! Раскрашивал участки горных склонов в духе картин поп-арта.

Доктор махнул рукой, указывая на ложе долины. Там, на одиноком выступе, словно в растерянности застыл маленький косматый вол, похожий на миниатюрного бизона. Сбросив скорость, Гулд накренил самолет и пролетел над долиной совсем низко, не более чем в двадцати футах над животным. Форрестер задумался над тем, как этому слепому существу, явному мутанту, удалось выжить, когда вдруг почувствовал под ногами толчок. Головка подбрюшного разбрызгивателя опустилась. В следующий миг из нее вырвалось внушительных размеров облако серебристой краски и широким шлейфом повисло в воздухе позади них.

Повисев какое-то время над землей, оно затем медленно опустилось, образовав на склоне горы как будто узкий ма-

зок кистью. Втянув обратно головку распылителя, Гулд заложил над долиной очередной вираж. Заглушив двигатель, он нырнул вниз, пролетев над самой головой вола, и согнал его с выступа вниз. Вол незряче метнулся сначала влево, затем вправо, не в состоянии сориентироваться, и пересек серебристую тропу. Здесь он моментально выпрямился и рысцой затрусил по горной тропе.

Следующий час они летали над долиной. Вскоре Форрестер понял: эти линии распыленной с воздуха краски были частью сложной системы дорог, ведущих в безлюдье гор. Когда они, облетев удаленное ущелье над крошечным озером, наконец развернулись, Форрестер не удивился, заметив, что стадо в несколько сотен голов сделало это место своим домом. Подняв рогатые головы, они как будто следили за Гулдом, когда тот пролетал над ними. Он неумоимо оставлял новые линии там, где это было нужно, загоня заблудившихся животных обратно, на размеченные светящейся краской тропы.

Когда они приземлились в Эмпуриабрава, Форрестер подождал на взлетной полосе, пока Гулд заглушит двигатель. Молодая женщина вышла из темного ангара наружу и стояла, пряча руки под шалью. Форрестер отметил, что бока фюзеляжа и хвостовое оперение сверкают серебром, оставшимся после бесконечных кругов опыления гор металлической краской. Шлем и летный костюм Гулда, как, впрочем, и его лицо и плечи, сверкали, словно зеркала, поймавшие лу-

чи солнца. И только защищенные очками глаза не были припудрены краской. Именно в их темные колодцы устремила взгляд молодая женщина, как будто в надежде найти кого-то себе подобного.

Гулд поздоровался с ней и протянул ей свой шлем. Затем снял летный костюм и отвел ее в ангар. Вернувшись, он указал на другую сторону канала.

– Мы выпьем в вашем баре. – Игнорируя размеченные краской дорожки, он повел Форрестера за собой по диагонали через автостоянку. – Думаю, на нас достаточно отметин, чтобы Кармен знала, где мы. Это дает ей чувство защищенности.

– Как давно вы пасете скот? – спросил Форрестер, когда они сели за стойку бара.

– С зимы. Одному стаду каким-то чудом удалось сбежать от мачете фермеров. Пролетая из Перпиньяна над перевалом Пертюс, я заметил, что они следуют за самолетом. В некотором смысле они видели меня, используя другую часть электромагнитного спектра. Потом я понял, что распылил на самолет небольшое количество старой отражающей краски, сильно флюоресцирующей.

– Но зачем спасать их? Они ведь все равно не выживут.

– Неправда. На самом деле они чрезвычайно выносливы. Следующей зимой они смогут обогнать и обхитрить все, что есть в округе. Вроде Кармен – она очень умная девушка. Она сумела прожить здесь много лет, не имея возможности ви-

деть. Когда я начал опылять себя краской, то, наверное, стал первым, кого она увидела.

– Мне она кажется похожей на монголку, у нее такой огромный лоб, – вновь подумав о ребенке Джудит, покачал головой Форрестер.

– Вы ошибаетесь. Я многое узнал о ней. У нее есть большая коллекция часов со светящимися циферблатами, которые она много лет подряд воровала из магазинов. Она их все завела, но поставила на разное время, своего рода гигантский компьютер. Одному Богу известно, какой залитый светом мир готовит ей природа, но, полагаю, что нас здесь не будет и мы этого не увидим.

Форрестер неприязненно посмотрел в свой бокал с бренди. В кои-то веки «Фундадор» вызывал у него неприятное ощущение.

– Гулд, вы хотите сказать, что ребенок, которого носит под сердцем Джудит, не имеет уродств?

Гулд ободряюще кивнул.

– Он никакой не урод, не больше, чем Кармен. Это вроде так называемого сокращения численности населения, которое мы все восприняли как очевидную истину. В действительности никакого сокращения не было, разве только в том смысле, что мы сами убиваем собственное потомство. За последние пятьдесят лет рождаемость не снизилась – наоборот, увеличилась. – Прежде чем Форрестер успел возразить, Гулд заговорил дальше. – Попробуйте на мгновение увидеть ве-

щи такими, какие они есть: мы имеем повышенную сексуальность и беспрецедентную фертильность. Даже у вашей жены было, если не ошибаюсь, семеро детей. Но зачем? Разве не очевидно, что мы должны были развернуть гигантскую программу по замещению населения? Прискорбно другое: люди, которых мы замещаем, – это мы сами. Наша работа сводится к одному: заново заселить мир нашим потомством. Что касается нашей потребности в одиночестве, нашей склонности наслаждаться обществом самих себя, отсутствия любого рода отчаяния, как мне представляется, таким образом природа прощается с нами.

– А взлетная полоса? – спросил Форрестер. – Это ваш способ прощания?

* * *

Спустя месяц, как только Джудит поправилась после рождения сына, они с Форрестером покинули Росас, чтобы вернуться в Женеву. Они попрощались с четой Сервера, и Форрестер повел машину по прибрежной дороге. Было одиннадцать часов утра, но самолет Гулда все еще стоял на взлетной полосе. По какой-то причине доктор опаздывал.

– Нам предстоит долгий путь. Ты себя хорошо чувствуешь? – спросил он у Джудит.

– Конечно. Никогда не чувствовала себя лучше.

Она поудобнее устроилась на сиденье. Форрестеру каза-

лось, будто ее разум частично отгородился от мира, пряча за этим занавесом воспоминания последних месяцев. Она снова выглядела спокойной и расслабленной, однако на лице ее застыла полуулыбка манекена, выставленного в витрине магазина.

– Ты расплатился с медбратом? – спросила она. – Они обычно ожидают чего-то дополнительного за...

Форрестер смотрел на фасады «отелей Венеры». Ему вспомнился вечер, когда родился ребенок, и то, как медбрат уносил младенца от сеньоры Серверы. Медбрат был уверен, что ему скажут, чтобы он умертвил ребенка. Остановив испанца возле лифта, Форрестер задался мысленным вопросом, где бы этот человек лишил жизни младенца: в каком-нибудь переулке позади дешевого отеля на окраине города или в одной из тысячи пустых ваннных комнат? Когда же Форрестер, стараясь не смотреть ему в глаза, забрал у него ребенка, медбрат не стал возражать, лишь предложил свою хирургическую сумку.

Форрестер отказался. После того как медбрат ушел и прежде чем в фойе вернулась сеньора Сервера, он темными улицами отправился в сторону канала. Он вновь надел серебристую куртку, в которой был в тот день, когда Гулд взял его в полет над горами. Когда он перешел мост, из ангара появилась молодая женщина, почти невидимая в своей темной шали. Прислушиваясь к слабым звукам, доносившимся из свертка, Форрестер подошел к ней и сунул ей в руки ре-

бенка. Затем повернулся и, сняв с себя куртку, бегом бросился к каналу.

Они ехали вдоль линии отелей к дороге, ведущей на Фигерас, когда Форрестер услышал рокот самолетного мотора. Гулд забирался в пилотскую кабину, намереваясь прогреть перед взлетом двигатель.

– Я никогда его толком не понимала, – заметила Джудит. – Что он делает там, над горами?

– Не знаю, у него какая-то навязчивая идея.

Во время непродолжительного шторма позавчерашней ночью еще один участок взлетной полосы рухнул в море. Но Форрестер знал: Гулд будет летать до самого конца, уводя свое стадо все выше и выше в горы, пока они не перестанут нуждаться в нем и не настанет день, когда он поднимется в небо в последний раз.

1975

Low-Flying Aircraft. Первая публикация в журнале *Bananas*, лето 1975 года.

Жизнь и смерть Бога

Весной и летом 1980 года по всему миру прокатился необычный слух. Ограниченный вначале научными и правительственными кругами Вашингтона, Лондона и Москвы, он вскоре распространился по Африке, Южной Америке и по Ближнему Востоку среди людей самого разного общественного положения – от австралийских фермеров-овцеводов до гейш токийских ночных клубов и брокеров парижской биржи. Не проходило и дня, чтобы слух этот не выплеснулся на первые полосы по меньшей мере десятка газет во всем мире.

В нескольких странах, в частности в Канаде и Бразилии, неискоренимость этого слуха привела к опасному падению цен на предметы потребления. В результате правительства были вынуждены сделать решительные опровержения. В Нью-Йорке в штаб-квартире Организации Объединенных Наций генеральный секретарь назначил комитет из именитых ученых, церковников и крупных бизнесменов с единственной целью – сдержать возбуждение, которое этот слух начал порождать к концу весны. Разумеется, такая мера лишь сильнее убедила всех в том, что вскоре будет обнаружено нечто, имеющее мировое значение.

В кои-то веки правительства Запада удостоились сочувственного отношения со стороны Советского Союза, Кубы, Ливии и Северной Кореи. А ведь в прошлом они ухватились

бы за любую, малейшую возможность, которую нес с собой этот слух! Увы, даже это оказалось бессильно предотвратить вспышки забастовочного движения и панические продажи – миллионы фунтов стерлингов были выметены из Лондонской фондовой биржи, как только стало известно, что епископ Кентерберийский посетит Святую землю.

Вслед за появлением слуха весь мир захлестнула эпидемия абсентеизма⁴

⁴ Абсентеизм – уклонение избирателей от участия в голосовании на выборах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.